

Кара фот Касузебун

О Воине

5 - 6

Карл фон Клаузевиц
О войне. Части 5-6

Издательство «РИМИС»

1832

фон Клаузевиц К.

О войне. Части 5-6 / К. фон Клаузевиц — Издательство
«РИМИС», 1832

Карл фон Клаузевиц – выдающийся прусский писатель, полководец и военный теоретик. Труд фон Клаузевица «О войне» произвел переворот в теории войны. Его книга отличается яркостью, четкостью изложения, а также резкой критикой в адрес многих военных событий. В своей работе он отводит большое место политике, ее влиянию на ход войны, зависимости ее исхода от силы и слабости отдельных политиков и полководцев. Недаром его знаменитая фраза «война есть продолжение политики иными, насильственными средствами» сохраняет актуальность и по сей день.

© фон Клаузевиц К., 1832

© Издательство «РИМИС», 1832

Содержание

Часть пятая. Вооруженные силы	6
Глава I. Общий обзор	6
Глава II. Театр войны, армия, поход	7
1. Театр войны	7
2. Армия	7
3. Поход	8
Глава III. Соотношение сил	9
Глава IV. Соотношение родов войск	11
Глава V. Боевой порядок армии	18
Глава VI. Группировка армии[16]	23
Глава VII. Авангард и сторожевое охранение	28
Глава VIII. Способ действия передовых частей	33
Глава IX. Бивачное расположение[28]	36
Глава X. Марши	38
Глава XI. Марши	43
Глава XII. Марши	46
Глава XIII. Размещение по квартирам	49
Глава XIV. Довольствие войск	54
1. Довольствие от квартирохозяина или общины, что одно и то же	56
2. Довольствие путем войсковых реквизиций	58
3. Довольствие при помощи правильной реквизиции	59
4. Довольствие из магазинов	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Карл фон Клаузевиц

О войне. Части 5-6

© Издательство «РИМИС», издание, оформление, 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Выражаем искреннюю благодарность семье Рачинских и лично Наталье Андреевне Рачинской за согласие на издание перевода, а также за помощь в подготовке книги к изданию. Выражаем благодарность Зое Геннадьевне Лисичкиной, помощнику директора Музея-усадьбы «Абрамцево», а также правнуку Саввы Ивановича Мамонтова – Сергею Николаевичу Чернышеву за помощь в работе над книгой.

Часть пятая. Вооруженные силы

Глава I. Общий обзор

Мы рассмотрим вооруженные силы:

- 1) в отношении численности и состава;
- 2) по их состоянию вне боя;
- 3) с точки зрения их довольствия и, наконец;
- 4) в их общих отношениях к местности.

Следовательно, в этой части мы займемся теми отношениями вооруженных сил, которые надо рассматривать лишь как необходимые условия борьбы, но которые не являются самой борьбой. С последней они находятся в более или менее тесной связи и взаимодействии, а потому при применении боя о них часто будет заходить речь; однако предварительно мы должны раз навсегда исследовать каждое из них само по себе как отдельное целое по его существу и особенностям.

Глава II. Театр войны, армия, поход

Природа предмета не дает возможности дать точное определение этих трех различных факторов в отношении пространства, массы и времени; но дабы порой не вызвать неправильного толкования наших слов, мы должны несколько уточнить те понятия, которые мы намерены в большинстве случаев вкладывать в эти термины.

1. Театр войны

Обычно под театром войны разумеют часть всего охваченного войной пространства, границы которого являются прикрытыми и которое потому обладает определенной самостоятельностью. Обеспечение границ театра военных действий может быть достигнуто крепостями, значительными местными рубежами, а также значительным удалением от остального пространства, охваченного войной. Такая часть представляет собой не только кусок целого, но и сама является небольшим целым, и благодаря этому перемены, происходящие на остальном захваченном войной пространстве, оказывают на нее не непосредственное, а лишь косвенное влияние. Если желательно установить точный признак, то таковым может быть только возможность представить себе на одном театре наступление, а на другом – в то же самое время – отступление; или оборонительные действия на одном, а наступательные – на другом. Но мы не всегда будем придерживаться такого строгого определения этого понятия; здесь мы желаем отметить лишь существенный его признак.

2. Армия

Пользуясь понятием театра войны, нетрудно установить, что такое армия: это та масса бойцов, которая находится на одном и том же театре войны. Однако это определение не вполне обнимает обычное словоупотребление. Блюхер и Веллингтон в 1815 г. стояли во главе двух отдельных армий, хотя они действовали на одном театре войны. Таким образом, другим признаком армии является главное командование. Между тем этот признак очень близок к предыдущему, ибо при правильной организации на одном театре войны должен быть один главнокомандующий, и этот начальник на отдельном театре войны должен всегда обладать соответственной степенью самостоятельности.

Одна только абсолютная численность армии играет меньшую роль при ее наименовании, чем это может казаться на первый взгляд. Ибо там, где несколько армий действуют совместно на одном и том же театре войны, и притом под одним верховным командованием, они носят это название не по причине своей численности, но сохраняют его от прежних отношений (1813 г., армия Силезская, Северная армия и пр.). Большую массу войск, которая предназначена действовать на одном театре войны, будут делить на корпуса, но отнюдь не на армии; по крайней мере это противоречило бы обычному способу наименования, которое, следовательно, имеет глубокие корни в существе дела. С другой стороны, было бы педантизмом высказывать притязание на название армии для всякого партизанского отряда, который самостоятельно хозяйничает в отдельной провинции; однако надо заметить, что никого не поражает, когда говорят о Вандейской армии во время революционных войн, хотя последняя порою не была многим сильнее такого отряда.

Таким образом, понятия армии и театра войны являются, как правило, сопряженными и взаимно обуславливающими друг друга.

3. Поход

Хотя часто разумеют под *походом* те военные действия, которые в течение одного года происходят на всех театрах войны, тем не менее более обычно и более точно то словоупотребление, которое под походом разумеет действия, происходившие на одном театре войны. Однако нехорошо, когда при этом ограничиваются понятием годичности, ибо войны уже не разделяются сами собою на годичные походы определенным и продолжительным занятием зимних квартир. Но так как вместе с тем события, происходящие на одном театре войны, сами распадаются на известные более крупные отдельные отрезки времени, а именно тогда, когда заканчиваются непосредственные следствия какой-либо – более или менее значительной – катастрофы и завязываются новые осложнения, то надо принимать во внимание эти естественные периоды, дабы отнести к известному году (походу) принадлежащие к нему события. Никто не оборвет кампанию 1812 г. на р. Немане, где находились армии к 1 января 1813 г., и не отнесет дальнейшего отступления французов до Эльбы к походу 1813 г., ибо очевидно, что оно составляет часть их общего отступления от Москвы.

Установление этих понятий не отличается большой отчетливостью, но не представляет особого неудобства, так как они не предназначаются, подобно философским определениям, быть источником дальнейших определений. Они должны служить лишь для того, чтобы придать изложению несколько большую ясность и определенность.

Глава III. Соотношение сил

В VIII главе 3-й части мы указали, какую ценность имеет в бою численное превосходство, а следовательно, и значение, которое имеет общий перевес сил для стратегии; отсюда вытекает важность соотношения сил; мы должны здесь высказаться о нем несколько подробнее.

Если мы рассмотрим без предубеждения историю современных войн, то будем вынуждены сознаться, что численное превосходство с каждым днем приобретает все более и более решающее значение; поэтому правило быть возможно сильным в момент решительного боя в настоящее время мы должны ценить несколько больше, чем когда бы то ни было раньше.

Храбрость и дух войска во все времена повышали физические силы, так будет и впредь. Но мы встречаем в истории также периоды, когда резкое превосходство в устройстве и вооружении войск давало значительный моральный перевес; в другие периоды такой же перевес давала большая подвижность войск; далее оказывали влияние вновь вводимые системы тактики; затем военное искусство увлеклось стремлением к искусному использованию местности, руководимому широкими и многообъемлющими принципами; на этой почве одному полководцу время от времени удавалось выиграть у другого значительные преимущества; однако это стремление скоро исчезло и должно было уступить место более естественным и простым приемам. Если же мы без предвзятости взглянем на опыт последних войн, то будем вынуждены сказать, что ни в целых походах, ни в решительных боях, т. е. генеральных сражениях, подобные явления уже почти не наблюдались; отсылаем читателя ко второй главе предыдущей части¹.

Армии в наши дни настолько стали схожи между собой и вооружением, и снаряжением, и обучением, что между лучшими из них и худшими особо заметного различия в этом отношении не существует. Степень подготовки научных сил, правда, еще, пожалуй, представляет существенные различия, но она главным образом приводит лишь к тому, что одни являются инициаторами и изобретателями тех или иных усовершенствований, а другие – их быстрыми подражателями. Даже полководцы подчиненного порядка – командиры корпусов и дивизий – всюду держатся одних и тех же взглядов и методов в отношении своей профессии; таким образом, кроме таланта главнокомандующего, который едва ли можно мыслить состоящим в каком-либо постоянном соотношении с уровнем культурного развития народа и армии и который, напротив, является всецело делом случая, – одна лишь втянутость войск в войну может еще дать одной из сторон заметное преимущество перед другой. Чем больше будет равновесие во всем этом, тем более решительное влияние оказывает численное соотношение сил.

Характер, который носят современные сражения, является результатом этого равновесия. Стоит лишь прочесть без предубеждения описание Бородинского сражения, где первая армия в мире – французская – померилась с русской армией, которая, несомненно, по многим сторонам своей организации и по степени подготовки отдельных ее частей могла быть признана наиболее отсталой. Во всем ходе сражения не наблюдается ни малейшего проявления большого искусства или интеллигентности; это спокойная борьба между собою противостоявших сил, а так как последние были почти равными, то и не могло произойти ничего иного, как только медленное опускание чаши весов на ту сторону, на которой была большая энергия в руководстве и большой боевой опыт армии. Мы выбрали как пример именно это сражение потому, что в нем более, чем в каком-либо другом, стороны были численно равны.

Мы не утверждаем, что все сражения таковы, но таков основной тон большинства.

В таких сражениях, где стороны так медленно и методически меряются силами, излишек этих сил у одной из сторон должен дать очень надежный перевес. В действительности напрасно мы будем искать в истории современных войн таких сражений, в которых победа была бы одер-

¹ Т. е. к характеристике сражения, данной по опыту Бородина и вообще походов 1812 и 1813 гг. – *Ред.*

жана над вдвое сильнейшим противником, что в прежние времена все же случалось гораздо чаще. Бонапарт, величайший полководец нашего времени, во всех своих победоносных генеральных сражениях, за исключением сражения под Дрезденом в 1813 г., всегда умел сосредоточить более сильную или, во всяком случае, лишь немногим уступавшую противнику армию, а там, где это ему не удавалось, как под Лейпцигом, Бриенном, Ланом (Лаоном) и Ватерлоо, он терпел поражение.

Абсолютная численность является в стратегии большею частью такой данной, которую полководец не может уже изменить. Отсюда, однако, нельзя прийти к заключению, что вести войну с значительно слабейшей армией невозможно. Война не всегда является свободным решением политики, и менее всего она бывает такою там, где силы крайне неравны; следовательно, на войне мыслимо всякое соотношение сил, и странной была бы теория войны, которая ретировалась бы как раз там, где в ней нужда будет наибольшая.

Как бы ни была желательна с точки зрения теории известная соразмерность сил, все же даже в случае крайнего их несоответствия теория не может умыть себе руки и заявить, что она в данном случае неприложима. Никаких границ здесь установить невозможно.

Чем слабее силы, тем меньше должны быть и цели и тем короче будет продолжительность². В этих двух направлениях слабейшая сторона не может уступить в пространстве, если можно так выразиться. Какие изменения вносит в процесс войны размер сил, мы будем иметь возможность выяснять лишь постепенно, по мере того, как будем встречаться с этим вопросом; здесь же мы довольствуемся указанием общей точки зрения; для большей ясности добавим еще следующее.

Чем больше нехватка сил у стороны, вовлеченной в неравную борьбу, тем сильнее под давлением опасности должны стать их внутреннее напряжение и энергия. Там же, где наблюдается обратное явление, где вместо героического отчаяния наступает отчаяние малодушия, там, конечно, военному искусству делать нечего.

Если с этой энергией сочетается мудрая умеренность в замечаемых целях, тогда возникает игра блестящих ударов и осторожной сдержанности, чем мы столь восхищаемся в войнах Фридриха Великого.

Однако чем меньше могут достигнуть умеренность и осторожность, тем более важным являются напряжение и энергия всех сил. Там, где несоответствие сил настолько велико, что никакая степень ограничения собственных целей не может спасти от гибели, или когда вероятная продолжительность опасности настолько велика, что самое бережливое применение сил не может привести к цели, – напряжение всех сил будет или должно быть сосредоточено в единственном отчаянном ударе; теснимый, уже не рассчитывая на помощь со стороны, которой взяться неоткуда, будет целиком возлагать свою последнюю надежду на моральное превосходство, которое придается каждому храброму человеку отчаянием. Крайнюю смелость он будет рассматривать как высшую мудрость, в крайнем случае он прибегнет к дерзкой хитрости, и если ему не суждено иметь удачи – он в гибели с честью обретет право на будущее воскресение.

² Применения этих сил. – *Ред.*

Глава IV. Соотношение родов войск

Мы будем говорить лишь о трех главных родах войск: о пехоте, кавалерии и артиллерии. Да будет мне позволено привести нижеследующий анализ, относящийся преимущественно к области тактик, но необходимый для большей точности мышления.

Бой состоит из двух существенно отличных составных частей: уничтожения огнем и рукопашной схватки или индивидуального боя; последний в свою очередь является или нападением или обороной (нападение и оборона должны в данном случае, когда мы говорим об элементах, пониматься совершенно абсолютно). Артиллерия, очевидно, действует исключительно поражением огнем, кавалерия – лишь путем индивидуального боя, пехота – тем и другим способом.

Существо обороны в индивидуальном бою заключается в том, чтобы стоять твердо, будто пустив корни в почву; существо атаки – в движении. Кавалерия совершенно лишена первой способности, зато имеет преимущество в обладании второй. Таким образом, она пригодна лишь для атаки. Пехота в основном обладает способностью стойко держаться, но также в известной степени не лишена и способности к движению.

Из этого распределения элементарных сил между разными родами войск вытекают превосходство и универсальность пехоты по сравнению с двумя другими родами войск, так как только она объединяет в себе все три элементарные силы. Далее из этого ясно вытекает, что соединение всех трех родов войск приводит к более полному использованию сил на войне, ибо благодаря такому соединению мы приобретаем возможность по желанию усиливать то или другое начало, которое всегда в одной и той же пропорции представлено в пехоте.

Уничтожающее начало огневого действия в наших современных войнах имеет, очевидно, наибольшую действительность; тем не менее столь же очевидно, что на индивидуальный бой, лицом к лицу, надо смотреть как на подлинную основу боя. На войне армия, состоящая из одной артиллерии, являлась бы полной нелепостью, армия же, состоящая из одной кавалерии, мыслима, но сила ее имела бы крайне ничтожную интенсивность. Армия, состоящая из одной пехоты, была бы не только мыслима, но и гораздо более сильна. Отсюда в отношении самостоятельности порядок, в котором располагаются три рода войск, следующий: пехота, кавалерия, артиллерия.

В ином отношении стоят они, однако, в смысле сравнительного значения каждого рода войск при соединении их вместе. Так как начало уничтожения³ гораздо более действительно, чем начало движения, то полное отсутствие кавалерии гораздо менее ослабило бы армию, чем полное отсутствие артиллерии.

Армия, состоящая из одной артиллерии и пехоты, хотя и оказалась бы в неприятном положении при столкновении с армией, обладающей всеми тремя родами войск, но если бы недостающая у нее кавалерия была заменена соответственным количеством пехоты, то при несколько измененном способе действия она все же справилась бы со своим тактическим обиходом. Она, конечно, несколько затруднялась бы в сфере сторожевой службы; она никогда не могла бы с достаточной энергией преследовать разбитого неприятеля и могла бы отступить лишь с большим трудом и усилиями; но самих по себе этих затруднений не было бы достаточно для того, чтобы заставить ее окончательно отказаться от действий в поле. Напротив, она прекрасно выполнила бы свою роль против другой армии, которая состояла бы из одной пехоты и кавалерии; как эта последняя армия могла бы устоять против армии, составленной из всех родов войск, трудно себе и представить.

³ Огнем. – *Ред.*

Что эти соображения о сравнительном значении отдельных родов оружия представляют собою абстракцию, относящуюся только к нормальному большинству случаев, встречающихся на войне, разумеется само собою, и мы, конечно, не имеем в виду относить найденные положения к конкретной обстановке каждого частного боя. Батальон, несущий сторожевую службу или совершающий отступление, пожалуй, лучше предпочтет иметь при себе эскадрон, чем несколько пушек. Массе кавалерии и конной артиллерии, быстро преследующей или обходящей бегущего неприятеля, вовсе не требуется пехота и т. д.

Сведя воедино вышеизложенные соображения, мы приходим к выводу, что:

- 1) пехота – самый самостоятельный род войск;
- 2) артиллерия не обладает никакой самостоятельностью;
- 3) при соединении всех трех родов войск пехота является важнейшим;
- 4) легче всего можно обойтись без кавалерии;
- 5) соединение всех трех родов войск дает наибольшую силу.

Раз соединение всех трех родов войск дает наибольшую силу, то, естественно, возникает вопрос об абсолютно наивыгоднейшем их соотношении; но ответить на этот вопрос почти невозможно.

Если бы было возможно сравнить затрату средств, какую требует создание и содержание различных родов войск, а затем и пригодность каждого из них на войне, то тогда должен был бы получиться определенный результат, который в совершенно отвлеченной форме выразил бы наилучшее соотношение между ними. Но это лишь бесплодная игра воображения. Даже первый член этой пропорции трудно определяется; один фактор – денежные расходы – может быть определен, что же касается другого фактора – ценности человеческой жизни, то выразить его в цифрах никто не захочет.

То обстоятельство, что каждый из трех родов войск опирается по преимуществу на отдельную часть государственных средств: пехота – на численность населения, кавалерия – на количество лошадей, артиллерия – на денежные средства, вносит в расчет лишние данные, преобладание которых мы и можем довольно ясно усмотреть в крупных чертах истории различных народов и различных эпох.

Но, не имея возможности по иным причинам совершенно обойтись без масштаба для сравнения, мы вынуждены вместо первого члена пропорции в его целом пользоваться лишь одним из его факторов, который мы действительно можем установить, а именно – размером денежных затрат. По этому поводу мы с достаточной для нас точностью можем в общем сказать, что согласно обычной практике эскадрон в 150 лошадей, батальон в 800 человек и батарея в 8 шестифунтовых орудий являются величинами, приблизительно равными по своей стоимости.

Что касается другого члена пропорции, а именно – сколько каждый род войск дает по сравнению с другим, то установить для него определенную величину еще труднее. До некоторой степени это еще было бы возможно, если бы дело сводилось к одному началу уничтожения; но каждый род войск имеет свое особенное назначение и, следовательно, свой особый круг деятельности; последний же в свою очередь является не настолько определенным, чтобы не мог быть большим или меньшим; это вызывает лишь видоизменения в ведении войны, но не причиняет решительного ущерба.

Часто ссылаются на то, что говорит об этом опыт, и думают найти в военной истории достаточные основания для определенных утверждений; но каждый должен сознаться, что все это – одни фразы не опирающиеся на что-либо основное и неизбежное, а потому они для нашего исследования не имеют никакой цены.

Если бы даже можно было представить себе определенную величину, при которой образуется наилучшее соотношение разных родов войск, то таковая представит собою не искомое X, а простую игру воображения; однако все же можно сказать, какие следствия явятся

результатом большого численного перевеса одного из родов войск или же значительного его недостатка по сравнению с тем же родом войск в неприятельской армии.

Артиллерия усиливает разрушительное огневое начало; она – самое страшное оружие, и, следовательно, недостаток в ней особенно понижает интенсивную силу армии. С другой стороны, она представляет собой наименее подвижный род войск, и, следовательно, она делает армию тяжеловесной; далее, она всегда нуждается в войсках для прикрытия, ибо совершенно неспособна к индивидуальному бою; если она излишне многочисленна, так, что части прикрытия, которые могут быть для нее выделены, не всюду будут в состоянии выдержать напор атакующих масс неприятеля, то ее часто придется терять; при этом обнаруживается еще одна невыгода, а именно, что из всех трех родов войск она как раз тот, который в отношении своих главных частей – орудий и повозок – весьма скоро может быть использован против нас.

Кавалерия увеличивает начало подвижности в армии. Если она слишком малочисленна, то это ослабляет быстроту развития хода военных событий, так как все должно делаться гораздо медленнее (пешком) и все должно организовываться с большей осторожностью; богатая жатва победы уже не косится косой, а жнется серпом.

Чрезмерное количество кавалерии никогда не может рассматриваться как непосредственный источник слабости вооруженных сил, как внутреннее неудобство; оно будет таковым лишь косвенно, в отношении трудности содержания ее, имея в виду, что вместо избыточных 10000 кавалеристов можно было бы иметь 50000 пехотинцев.

Эти особенности, вытекающие из преобладания какого-нибудь одного рода войск, тем важнее для военного искусства, понимаемого в более узком смысле слова, что последнее указывает нам методы использования имеющихся налицо вооруженных сил, состав же этих сил поступает в распоряжение главнокомандующего как готовая данная, при определении которой он играет сравнительно незначительную роль.

Итак, если мы захотим представить себе характер ведения войны, измененный вследствие преобладания какого-либо рода войск, то он будет рисоваться в следующем виде.

Избыток артиллерии приводит к преимущественно оборонительному, пассивному характеру действий; при этом будут искать спасения главным образом в укрепленных позициях, в значительных естественных рубежах, даже в горных позициях, дабы местные преграды принимали на себя оборону и защиту многочисленной артиллерии, а неприятельские силы сами шли бы под ее губительный огонь. Вся война будет вестись серьезным, формально размеренным темпом менуэта.

Напротив, недостаток артиллерии побудит нас отдавать предпочтение активному принципу подвижности. Переходы, труды и усилия станут нашим своеобразным оружием; война получит разнообразный, оживленный, замысловатый характер; крупные события будут разменены на мелкую монету.

При весьма многочисленной кавалерии мы будем искать широкого простора равнин и любить размах крупных движений. Находясь на значительном расстоянии от неприятеля, мы будем пользоваться большим покоем и удобствами, но не будем давать ему возможность пользоваться ими. Мы будем предпринимать отважные обходы и вообще смелые движения, ибо мы хозяева пространства. Поскольку диверсии и набеги могут быть действительными вспомогательными средствами войны, мы будем иметь возможность легко их применять.

Решительный недостаток в кавалерии уменьшает подвижность армии, не усиливая ее истребительного начала, как то делает избыток артиллерии. Тогда осторожность и методичность образуют основной характер войны. Постоянное нахождение вблизи от противника, чтобы не терять его из виду; отказ от быстрых, а тем более торопливых и опрометчивых движений; всегда медленное передвижение хорошо сосредоточенных масс; предпочтение, оказываемое пересеченной местности и обороне, а там, где должно быть произведено наступление,

кратчайшее направление на центр тяжести неприятельской армии – таковы естественные тенденции в подобном случае.

Эти различные направления, принимаемые способом ведения войны в зависимости от преобладания того или другого рода войск, редко будут столь глубоко влиятельными и широко объемлющими, чтобы они одни – или по преимуществу одни – определяли ход всех операций. Если мы останавливаем свой выбор на стратегическом наступлении или на обороне, на действиях на том или другом театре войны, на генеральном сражении или на ином каком-либо средстве истребления, то мы руководимся другими существенными обстоятельствами; во всяком случае, если это будет не так, то надо опасаться, как бы мы не приняли второстепенное за главное. Но даже в тех случаях, когда главные вопросы уже решены на основе других данных, все же остается известный простор для проявления влияния, оказываемого преобладанием того или другого рода войск, ибо в наступлении можно быть осторожным и методичным, а в обороне – смелым и предприимчивым и т. д. во всех стадиях и оттенках боевой жизни.

С другой стороны, природа войны может оказывать существенное влияние на соотношение различных родов войск.

Во-первых, народная война, опирающаяся на ландвер и ландштурм, естественно, приводит к организации значительного количества пехоты, ибо в такой войне ощущается большой недостаток в средствах для снаряжения, чем в людях, а так как в таких случаях снаряжение ограничивается самым необходимым, то легко можно допустить, что вместо одной восьмью-рудийной батареи может быть выставлен не один батальон пехоты, а целых два или три.

Во-вторых, если слабая сторона в борьбе с сильной не может прибегнуть к вооружению широких масс или к какому-нибудь ополчению, приближающемуся к этой организации, то увеличение артиллерии представляет, конечно, кратчайший путь к тому, чтобы хотя бы до некоторой степени довести до равновесия свои слабые силы, ибо этим путем сберегаются люди и повышается самое существенное начало своих вооруженных сил – начало истребления. Кроме того, в этом случае театр войны по большей части будет ограничен тесными пределами, а тогда этот род войск окажется более всего подходящим. Фридрих Великий прибег к этому средству в последние годы Семилетней войны.

В-третьих, кавалерия есть оружие движения и крупных решительных действий; поэтому увеличение ее состава сверх обычной нормы важно при весьма обширных пространствах, широкой маневренности и при наличии намерения нанести решительные удары. Бонапарт являет тому яркий пример.

Что наступление и оборона, собственно говоря, сами по себе не могут в данном случае оказать влияния, станет для нас ясным лишь тогда, когда мы будем говорить об этих видах военной деятельности; сделаем лишь одно предварительное замечание, а именно, что обе стороны – как наступающая, так и обороняющаяся – обыкновенно проходят по одной и той же местности, а также, по крайней мере во многих случаях, могут преследовать те же решительные цели. Вспомним поход 1812 г.

Согласно общераспространенному мнению, в средние века кавалерия своей численностью значительно превосходила пехоту, и это соотношение постепенно, вплоть до наших дней, складывалось к невыгоде кавалерии. Однако это – по крайней мере отчасти – представляет собою недоразумение. Численность кавалерии по отношению к пехоте была немного больше, в чем нетрудно убедиться, проследив внимательно более точные цифровые данные о вооруженных силах средних веков. Вспомним хотя бы о тех пехотных массах, которые составляли войска крестоносцев или следовали за императорами в их итальянских походах. Но значение кавалерии в те времена было действительно гораздо большее. Она являлась более могучим родом войск; составлялась она из отборной части народа, и притом так, что, значительно уступая в численности, она все же рассматривалась как самая главная; с пехотой мало считались и о ней почти не упоминали; отсюда сложилось мнение, будто в те времена ее было очень

мало. Правда, при небольших междоусобных войнах, происходивших в Германии, Франции и Италии, чаще, чем теперь, могли быть случаи, когда вся немногочисленная армия состояла из одной конницы; так как она представляла самый главный род войск, то в этом не заключалось никакого противоречия; однако такие случаи не могут считаться решающими для определения общей нормы, так как последняя определяется главным образом большими армиями. Лишь тогда, когда в деле ведения войны ленные отношения потеряли всякое значение, а войны стали вестись при помощи на вербованных, наемных, оплачиваемых солдат, на базе вербовки и денег, т. е. в эпоху Тридцатилетней войны и Людовика XIV, окончательно прекратилось это пользование большими массами малополезной пехоты; пожалуй, тогда снова вернулись бы исключительно к коннице, если бы благодаря заметному усовершенствованию огнестрельного оружия пехота не приобрела большего значения; этим она сохранила свое численное преобладание над кавалерией; в этот период соотношение между пехотой и кавалерией, когда пехоты было мало, выражалось в цифрах 1:1, а когда пехота была очень многочисленна, то она относилась к коннице, как 3:1.

С тех пор, по мере совершенствования огнестрельного оружия, кавалерия все более теряет свое значение. Это само собою понятно; однако указанное совершенствование касается не только самого оружия и умения им пользоваться, но и умения употреблять в дело войска, по-новому вооруженные. В сражении при Мольвице пруссаки довели свое умение пользоваться огнем до высшей степени, превзойти которое не удалось и в позднейшие времена. Однако пользование пехотой на пересеченной местности и применение огнестрельного оружия в стрелковом бою появились лишь позднее и должны рассматриваться как крупный шаг вперед в акте истребления.

Таким образом, наше мнение сводится к тому, что соотношение между кавалерией и пехотой с точки зрения численности мало изменилось, значение же того и другого рода войск изменилось чрезвычайно. Это на первый взгляд кажется противоречием, но в сущности не является таковым. Дело в том, что в средние века пехота достигла такого значительного численного перевеса над конницей не по своему внутреннему отношению к последней, а по той причине, что все то, что нельзя было поставить в виде значительно более дорогого рода войск, выставлялось в виде пехоты; следовательно, пехота являлась лишь возможным выходом из трудного положения, а конница, если бы численность ее определялась исключительно ее значением, никогда не могла бы быть слишком многочисленной. По этой-то причине становится понятным, почему, несмотря на потерю значительной доли своего значения, кавалерия все же достаточно сохранила его для того, чтобы удержаться в том же численном отношении к пехоте, какое она до сих пор так упорно сохраняет.

Действительно, нельзя не отметить, что, по крайней мере со времени войны за австрийское наследство, отношение кавалерии к пехоте не изменилось, колеблется в пределах $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{6}$. По-видимому, это указывает на то, что именно такое соотношение удовлетворит естественную потребность и что им выражаются как раз те величины, которые установить непосредственно не представится возможным. Мы, однако, в этом сомневаемся и полагаем, что во многих случаях в пользу увеличения численности кавалерии действовали особые, исключительные основания.

России и Австрии представляют собою государства, которые наталкиваются на такое увеличение, ибо они еще располагают в составе своих владений обломками татарских организаций⁴. Бонапарт никогда не мог собрать достаточных сил для своих целей; используя конскрипцию до крайнего предела, он имел возможность усилить свою армию лишь путем увеличения вспомогательных родов войск⁵, для которых требуется больше денег, чем человеческого материала.

⁴ Намек на казаков, которые вообще пользуются вниманием Клаузевица и которых он лично наблюдал при Бородине, находясь в отряде Уварова. — *Ред.*

⁵ Клаузевиц разумеет здесь под вспомогательными родами войск конницу и артиллерию. — *Ред.*

Нельзя притом упускать из виду, что при огромных размерах его походов кавалерия должна была получать гораздо большую ценность, нежели в обыденных случаях.

Фридрих Великий, как известно, осмотрительно учитывал каждого рекрута, которого он мог сберечь для своей страны; главный его промысел заключался именно в том, чтобы поддерживать свою армию в сильном составе за счет иностранных государств. Что к этому у него было полное основание, станет понятным, если вспомнить, что из своих небольших владений он лишился еще прусских и вестфальских провинций⁶. А кавалерия, помимо того что она вообще требует меньше народа, гораздо легче пополняется при помощи вербовки; к этому присоединялась и его система ведения войны, основанная на превосходстве в подвижности; таким-то образом и произошло, что, в то время как пехота у него таяла, кавалерия до самого конца Семилетней войны численно непрерывно росла. Все же в конце этой войны кавалерия по численности едва достигала одной четверти выступавшей в поле пехоты.

В наполеоновскую эпоху, впрочем, мы можем встретить достаточное число примеров, когда армии, обладавшие необычайно слабой кавалерией, все же одерживали победу. Самый яркий пример этого – сражение при Гросс-Гершене⁷. Силы Бонапарта, если считать те дивизии, которые принимали участие в бою, равнялись 100000 человек, в том числе 5000 кавалерии и 90 000 пехоты; у союзников же было 70000 человек, из которых 25000 кавалерии и 40000 пехоты. Таким образом, у Бонапарта, имевшего на 20000 человек кавалерии меньше, чем неприятель, было на 50000 человек пехоты больше; а следовало бы иметь пехоты на 100000 больше⁸. Если он все же выиграл сражение при таком перевесе пехоты, то спрашивается, мог ли бы он его проиграть при условии, что отношение сил было бы 140000 к 40000?

Правда, тотчас после окончания сражения сказалась огромная выгода нашего превосходства в кавалерии, ибо Бонапарт почти не захватил никаких трофеев. Таким образом, выиграть сражение – еще не все; однако не является ли это все же самым существенным?

Ввиду таких соображений нам кажется сомнительным, чтобы установившееся и сохранившееся до нас в последние 80 лет численное соотношение между кавалерией и пехотой было естественным и вытекающим исключительно из их абсолютной ценности; напротив, мы того мнения, что после многих колебаний соотношение этих двух родов войск подвергнется новому изменению в том же направлении, причем относительная численность кавалерии в конце концов значительно сократится.

Что касается артиллерии, то число орудий естественно возрастало с момента их изобретения по мере их облегчения и усовершенствования; однако со времен Фридриха Великого и до наших дней ее отношение к пехоте сохраняется довольно устойчиво – два или три орудия на каждую тысячу человек. Понятно, что эти цифры относятся к началу кампании, ибо в течение ее артиллерия тает не в такой прогрессии, как пехота; поэтому к концу кампании это соотношение значительно увеличивается и может быть оценено как 3, 4 и до 5 орудий на каждую тысячу человек. Является ли такое соотношение естественным, или же увеличение числа орудий может возрасти без ущерба для ведения войны в целом, – этот вопрос должен разрешить опыт⁹.

Итак, если мы подведем окончательный итог всему вышесказанному, то получится следующая картина:

1) пехота является главным родом войск, по отношению к которому остальные два являются подчиненными;

⁶ Заняты были противником в Семилетнюю войну. – *Ред.*

⁷ Или Люцене в 1813 г. – *Ред.*

⁸ Клаузевиц исходит из расчета 5 пехотинцев на 1 кавалериста, считая батальон за эскадрон. – *Ред.*

⁹ К началу мировой войны 1914–1918 гг. на 1000 пехотинцев по нормальной германской организации приходилось уже свыше шести орудий. На ударных участках мировой войны в позиционный период сосредоточивалось свыше тридцати орудий на 1000 бойцов. – *Ред.*

2) недостаток в этих двух родах войск может быть до некоторой степени восполнен большим искусством и энергичной деятельностью в ведении войны, при предпосылке, что пехота соответственно сильнее и лучше;

3) без артиллерии труднее обойтись, чем без кавалерии, ибо она представляет главное начало истребления, и действия ее в бою более тесно слиты с действиями пехоты;

4) так как в деле истребления артиллерия представляет наиболее сильный род войск, а кавалерия – наиболее слабый, то в общем вопрос надо ставить так: до какого предела можно усиливать артиллерию без особого ущерба и каким минимальным количеством кавалерии можно обойтись?

Глава V. Боевой порядок армии

Боевой порядок – это то подразделение и объединение родов войск в отдельные члены всего целого и та форма их построения, которые должны остаться нормой для всей кампании или войны¹⁰.

Таким образом, он заключает в себе до известной степени арифметический и геометрический элементы – подразделение и построение. Первое исходит из постоянной организации армии мирного времени, воспринимает известные части, как то: батальоны, эскадроны, полки и батареи, – за единицы и образует из них более крупные члены вплоть до целого – сообразно с требованиями обстановки.

Точно таким же способом и построение исходит из элементарной тактики, в соответствии с которой войска в мирное время обучаются и упражняются и на которую в основном во время войны приходится смотреть, как на мало подлежащую изменению данную¹¹. Затем построение связывается с условиями применения войск на войне в крупных массах и, таким образом, в общем определяет тот нормальный порядок, в котором войска вступают в бой.

Так было во все времена, когда большие армии выступали в поход; была даже эпоха, когда форма построения войск признавалась самым существенным фактором боя.

Когда в XVII и XVIII столетиях усовершенствование огнестрельного оружия заставило сильно увеличить численность пехоты и растянуть ее в тонкие длинные линии, боевой порядок стал благодаря этому проще, но в то же время построение его стало трудным и искусственным. При этом уже решительно не знали, куда девать кавалерию, кроме размещения ее на флангах, где не было стрельбы и где у нее был простор для действий на коне; таким образом, боевой порядок всякий раз обращал армию в замкнутое неделимое целое. Стоило перерезать такую армию пополам, и она уподоблялась разрезанному надвое земляному червю; крылья продолжали еще жить и двигаться, но уже не могли выполнять свои органические – функции. Армии как бы находились под известного рода заклятием единства, и всякий раз, когда требовалось выделить какую-либо часть, необходимо было провести небольшую реорганизацию и дезорганизацию. Армия в состоянии марша находилась в известной степени вне закона. Если неприятель находился поблизости, то марш должен был организовываться с крайним искусством; одну из линий или крыло приходилось вести через всякого рода естественные преграды на сносном интервале от других частей. Возможность совершать такие переходы приходилось точно воровать у противника, и единственное обстоятельство, которое делало это хроническое воровство безнаказанным, заключалось в том, что и противник находился под тем же самым заклятием.

Поэтому, когда во второй половине XVIII столетия напали на мысль о том, что кавалерия может с таким же успехом охранять фланги, размещаясь позади армии, как и составляя ее продолжение по фронту, и что в первом случае она может быть использована и для многих других целей, помимо простого состязания с кавалерией противника, то этим уже был сделан значительный шаг вперед, этим путем армия на всем своем фронте, представляющем всегда главнейшее ее протяжение, оказалась состоящей из однородных членов. Ее можно было разбить на любое число частей, причем так, что каждая часть походила на другую и на общее целое. Армия перестала быть неделимым единством и обратилась в многочисленное целое, а отсюда стала гибкой и поворотливой. Части могли без особых затруднений отделяться от целого и

¹⁰ Подразделение – это боевое расписание армии, которое и ныне сохраняет известную продолжительность действия, хотя современные переброски резервов и перегруппировки вносят в него много изменений; построение, т. е. группировка сил, изменяется теперь с каждой новой задачей. Более соответствовало бы содержанию такое наименование этой главы: «Боевое расписание армии». – *Ред.*

¹¹ В настоящее время под влиянием быстрого развития техники тактика подвергается в самом ходе войны неоднократной капитальной ломке. – *Ред.*

снова к нему присоединяться, – боевой порядок не нарушался. Таким путем возникли соединения, составленные из всех родов войск, – точнее говоря, благодаря этому они стали возможными, ибо, конечно, потребность в них ощущалась гораздо раньше.

Вполне естественно, что вся эта эволюция определялась формами сражения. Когда-то сражение представляло собой всю войну, и оно всегда останется ее сущностью. Вообще боевой порядок в большей мере относится к тактике, чем к стратегии; этим указанием на источник мы хотим лишь подчеркнуть, как тактика подразделением целого на меньшие целые уже подготавливала почву для стратегии.

Чем значительнее становятся армии, чем шире они распределяются на больших пространствах, и чем многообразнее действия отдельных частей сплетаются одно с другим, тем больший простор открывается перед стратегией. Боевой порядок, как мы его понимаем¹², должен был вступить со стратегией в известное взаимодействие, которое проявляется главным образом в тех предельных точках, где тактика и стратегия соприкасаются между собою, а именно – в те моменты, когда общая группировка сил переходит в особый распорядок боя.

Теперь обратимся к трем пунктам: *подразделение армии, объединение различных родов оружия и построение* – и рассмотрим их в стратегическом отношении.

1. Подразделение.

С точки зрения стратегии никогда не следовало бы задавать вопрос о том, какой силы должны быть дивизия или корпус, а лишь о том, сколько корпусов или дивизий должно быть в армии. Нет ничего более неуклюжего, чем армия, разделенная всего на три части, не говоря уже о делении ее на две части; такое деление почти нейтрализует главнокомандующего.

Определение численности крупных и мелких частей как на основе положений элементарной тактики, так и на основе высших тактических соображений открывает невероятно широкое поле для произвола, и одному богу известно все разнообразие рассуждений, развертывавшихся на этом просторе. Напротив, потребность в известном числе частей, входящих в состав самостоятельного целого, представляет нечто совершенно определенное и ясное, и эта мысль дает чисто стратегические основания для определения числа, а отсюда, конечно, и силы более крупных единиц; определение численности более мелких частей, как батальоны, роты и т. п., всецело остается в распоряжении тактики.

Нельзя себе представить самой мелкой изолированной единицы, в которой нельзя было бы различить трех частей, из которых одна часть может быть выдвинута вперед, одна часть задержана позади; конечно, четыре части представляют еще больше удобств; это вытекает из того, что средняя часть в качестве главных сил должна быть крупнее двух других; рассуждая дальше, можно дойти до восьми частей, что представляется нам наиболее подходящим для армии, если принять за постоянную необходимость иметь одну часть в качестве авангарда, три – в качестве главных сил, а именно: правое крыло, центр и левое крыло, две части как резерв и, наконец, одну для выделения вправо и одну для выделения влево. Было бы педантизмом придавать этим цифрам и фигурам особое значение, но мы все же полагаем, что они отражают обычное, всегда повторяющееся стратегическое построение, благодаря чему и представляют собой весьма удобное подразделение.

Правда, руководство армией (да и руководство всяким целым) представляется чрезвычайно облегченным, когда главнокомандующему приходится иметь дело не более чем с тремя или четырьмя непосредственно ему подчиненными; но за это удобство полководец обыкновенно дорого расплачивается двояким образом.

Во-первых, чем длиннее иерархическая лестница, по которой должно спускаться приказание, тем это последнее более теряет в своей быстроте, силе и точности: это имеет место, когда

¹² Клаузевиц, относя вопрос о построении боевого порядка к тактике, рассматривает боевой порядок со стратегической точки зрения только как боевое расписание, т. е. в чисто организационном отношении. – *Ред.*

между главнокомандующим и начальниками дивизий имеются еще и корпусные командиры; во-вторых, главнокомандующий утрачивает тем большую часть своей власти и действенности, чем шире круг деятельности его непосредственных подчиненных. Полководец, распоряжающийся 100000 человек, разделенных на восемь частей, обладает гораздо более интенсивной властью, чем в том случае, когда те же 100000 человек разделены всего на три части. На это имеется много разных причин; важнейшая из них та, что командир каждой части полагает, будто бы он имеет какие-то собственные права на все подчиненные ему войска, и потому упорствует почти всякий раз, когда какая-либо часть их отнимается у него на более или менее продолжительное время. Кто имеет хоть некоторый боевой опыт, тому это вполне ясно.

С другой стороны, нельзя доводить и числа отдельных частей до чрезмерно больших размеров, во избежание беспорядка. Штабу армии, состоящей из восьми частей, управлять уже не легко, и выше десяти доводить это число не следует. В дивизии же, где средства для доведения приказов до осуществления гораздо ограниченнее, подходящими являются более мелкие цифры: 4, максимум 5.

Если бы эти факторы (5 и 10) оказались недостаточными, т. е. если бы при этом бригады получились слишком большие, пришлось бы вставить еще корпусную организацию; при этом, однако, надо иметь в виду, что тем самым создается новая власть, которая сразу значительно снижает все прочие инстанции.

Что собственно надлежит разуметь под слишком крупной бригадой? Размер ее обыкновенно определяется числом от 2000 до 6000 человек, причем, по-видимому, существуют два основания для оправдания последнего предела: первое заключается в том, что бригада представляется как такая часть, которой один человек может непосредственно управлять, т. е. командование которою лежит в пределах голоса¹³, второе – что оставлять без артиллерии значительную массу пехоты нежелательно, а первичное объединение двух родов войск само собой создает особое подразделение.

Не будем углубляться в эти тактические тонкости и оставим в стороне спор о том, когда и в каком соотношении должно происходить объединение всех трех родов оружия: в дивизиях ли, состоящих из 8000 или 12000 человек, или в корпусах в 20000-30000 человек. Даже самые ярые противники подобного объединения¹⁴ не будут возражать против нашего утверждения, что лишь это объединение придает самостоятельность частям и что для тех частей, которым приходится во время войны оказываться часто изолированными, оно по меньшей мере представляется желательным.

В армии, состоящей из 200000 человек и подразделенной на десять дивизий, из которых каждая в свою очередь подразделена на пять бригад, бригада равнялась бы 4000 человек. В этом случае мы ни в чем не усматриваем какой-либо аномалии. Правда, такую армию можно подразделить и на пять корпусов, а каждый корпус на четыре дивизии и дивизию на четыре бригады, причем создадутся бригады по 2500 человек; но, говоря теоретически, первое деление нам кажется предпочтительным, ибо при втором делении у нас уже получается на одну иерархическую ступень больше, и сверх того пять частей для подразделения армии мало, так как это делает ее недостаточно гибкой; то же можно сказать и о четырехдивизионном корпусе, а бригада в 2500 человек – бригада слабая; таких бригад у нас окажется 80, в то время как первое деление, имевшее их всего 50, было тем самым проще. Стоит ли отказываться от всех

¹³ Интересно проследить, как уменьшается часть под условием непосредственного командования голосом. Клаузевиц считает таковой единицей бригаду. Ген. Войде, переводчик Клаузевица в начале этого столетия, сомневался в возможности управлять так даже батальоном, видимо, допуская это для роты, а современный французский устав только боевую группу (в 10–12 человек) считает такой единицей, какою ее начальник будет всегда управлять непосредственно голосом. – *Ред.*

¹⁴ В первой половине XIX века артиллеристы возражали против включения в мирное время артиллерии в состав общевойсковых соединений; подчинение батарей неспециалистам, по их мнению, грозило тем, что артиллерия – ученый род войск – растеряет свою ученость. – *Ред.*

этих преимуществ лишь для того, чтобы главнокомандующему пришлось иметь дело с половинным числом генералов! Ясно само собою, что в не столь многочисленных армиях деление на корпуса представляется еще более неуместным.

Таковы отвлеченные соображения по этому предмету. Конкретный случай может, конечно, сопровождаться основаниями, которые приведут к иному решению. Прежде всего надо признать, что если еще можно управлять восемью или десятью дивизиями, объединенными в армию на равнине, то при растянутом расположении в горах, пожалуй, командование ими оказалось бы невозможным. Широкая река, разделяющая армию на две равные части, заставит назначить особого начальника над каждой половиной. Короче говоря, могут быть сотни местных конкретных обстоятельств, перед которыми должно отступить отвлеченное правило.

Однако опыт учит нас, что эти отвлеченные основания все же применяются чаще всего и вытесняются частными случаями гораздо реже, чем это можно было бы предполагать.

Мы позволим себе обрисовать в кратких чертах общий объем всех этих соображений, сопоставив при этом отдельные, более веские замечания.

Разумея под членами целого лишь те, которые получаются от первого подразделения, т. е. непосредственно подчиненные, мы говорим:

- 1) если у целого слишком мало членов, оно становится негибким;
- 2) если члены целого чересчур крупны, то это ослабляет силу высшего командования;
- 3) с каждой ступенью, по которой проходит приказание, сила его ослабляется по двум причинам: во-первых, вследствие утраты, происходящей от передачи через новую инстанцию; во-вторых, вследствие задержки во времени, которая вызывается этой передачей.

Все это служит основанием, чтобы число рядом стоящих единиц было возможно больше, а число инстанций – возможно меньше. Предел здесь ставится лишь тем, что армейское командование может с удобством управлять не более, чем восемью или десятью членами, а низшие инстанции – только четырьмя или шестью.

2. Объединение родов войск.

Для стратегии объединение различных родов войск в боевом порядке важно лишь в отношении тех частей, которые, согласно обычному ходу дела, часто располагаются отдельно, причем они могут быть вынуждены самостоятельно вступить в бой. Для этого, естественно, предназначаются члены *первого порядка* и главным образом только они, ибо, как мы в этом будем иметь случай убедиться, образование отдельных групп большей частью вытекает из самого понятия целого и его потребностей.

Поэтому, строго говоря, стратегия должна была бы требовать постоянного соединения разных родов войск лишь в составе корпусов, а если этой единицы не существует, то в составе дивизий, и допускать в членах низшего порядка лишь временное объединение, когда то оказывается необходимым.

Но легко усмотреть, что корпуса, когда они достигают большой численности, от 30000 до 40000 человек, лишь в редких случаях будут занимать одно нераздельное расположение, следовательно, такие крупные корпуса нуждаются в объединении различных родов войск и в дивизиях. Тот, кто ставит ни во что задержку, происходящую при всяком спешном откомандировании, когда приходится придавать пехоте кавалерийскую часть, которая должна прибыть из довольно удаленного, может быть, пункта, – мы не говорим уже о путанице, которая может при этом произойти, – тот, очевидно, не обладает никаким военным опытом.

Вопросы, уточняющие условия объединения трех родов войск, определяющие, до каких пределов оно может спускаться, насколько тесным оно должно быть, какие при нем должны соблюдаться соотношения, какие резервы каждого рода оружия должны быть оставлены, относятся полностью к тактике.

3. Построение.

Решение вопроса о том, в каких пространственных соотношениях между собою должны быть построены в боевом порядке отдельные части армии, точно так же принадлежит всецело тактике, так как определяется только сражением. Правда, существует и стратегическое построение, но оно зависит почти исключительно от задач и требований данной минуты, а то, что в нем имеется рационального, не содержится в значении, которое вкладывается в понятие боевого порядка¹⁵, поэтому мы рассматриваем его в следующей главе под заглавием «Группировка армии».

Боевой порядок армии есть, следовательно, подразделение ее и построение в упорядоченной для сражения массе. Части должны быть так сцеплены, чтобы как тактические, так и стратегические требования данной минуты могли быть легко удовлетворены любой отдельной частью, изъятой из общей массы. Как только минует потребность данного момента, части тотчас снова становятся на свои места; таким путем боевой порядок становится первой ступенью и основой того благотворного методизма, который на войне, подобно качанию маятника, регулирует все дело и о котором мы уже говорили в IV главе 2-й части.

¹⁵ Стратегическое построение признается Клаузевицем лишь как внебоевой порядок, так как раз бой начался, построение представляет тактический порядок. – *Ред.*

Глава VI. Группировка армии¹⁶

Между моментом начального сосредоточения вооруженных сил и моментом созревшего решения, когда стратегия поведет армию на решительный пункт, а тактика укажет каждой части ее место и роль, в большинстве случаев имеет место значительный промежуток времени. Точно так же одна решающая катастрофа отделяется во времени от следующей¹⁷.

Прежде такие промежутки до известной степени как бы не являлись войной. Вспомним хотя бы, как Люксембург¹⁸ располагался лагерем и совершал переходы. Мы обращаемся к действиям этого маршала потому, что он прославился своими лагерями и маршами, а следовательно, может считаться представителем своей эпохи, к тому же мы о нем больше знаем, чем о каком-нибудь другом современном ему полководце, из «Histoire de la Flandre Militaire»¹⁹.

Лагери, как правило, упирались тылом вплотную к реке или болоту, или же к глубокому оврагу, что теперь сочли бы безумием. Фронт расположения отнюдь не определялся направлением, в котором находился неприятель, и часто бывали случаи, когда лагерь был обращен тылом к неприятелю, а фронтом к собственной стране. Такой неслыханный в наши дни образ действий может быть объяснен исключительно тем, что при выборе места под лагерь руководствовались главным образом и почти исключительно соображениями удобства, а на лагерное расположение смотрели как на состояние вне акта войны, так сказать, за кулисами сцены, где нет надобности стесняться. Что тылом всегда прислонялись вплотную к какой-нибудь естественной преграде, составляло, пожалуй, единственную меру предосторожности, которую при этом считали нужным принимать, правда, в духе тогдашнего способа вести войну. Ведь такая мера вовсе не подходила к случаю, если бы нас вынудили к бою в таком лагере. Впрочем, этого почти и не приходилось опасаться, ибо сражения происходили чуть ли не по обоюдному соглашению, – подобно дуэли, когда отправляются на удобное для обеих сторон rendez-vous²⁰. Так как армии, отчасти из-за своей кавалерии, – которая даже на закате своей славы рассматривалась, особенно у французов, еще как главный род войск, – отчасти же вследствие беспомощности боевого порядка, не могли сражаться на всякой местности, то, расположившись на пересеченном пространстве, они оказывались как бы под охраной нейтральной территории; но так как и сами они не могли использовать пересеченную местность, то предпочитали выходить для сражения навстречу наступающему противнику.

Правда, мы знаем, что сражения, данные Люксембургом под Флерюсом, Стеенкеркеном и Неервинденом, были проведены им как раз в другом духе, но этот дух являлся тогда новым творчеством этого великого полководца, отрывавшимся от прежних методов; на методе же размещения лагеря он еще не успел отразиться. Все изменения в военном искусстве всегда исходят из сферы решительных действий, а через их посредство постепенно видоизменяются и все прочие действия. Насколько мало смотрели на расположение лагерем как на настоящее состояние войны, доказывает выражение «il va a la guerre»²¹, которое применяли к партизану, отправлявшемуся из лагеря для наблюдения за неприятелем.

¹⁶ Дословно: общее построение армии. – *Ред.*

¹⁷ В настоящее время кризис первой крупной операции отделяется от момента окончания разворачивания всего несколькими днями. Под катастрофой Клаузевиц разумеет, очевидно, крупное боевое столкновение. – *Ред.*

¹⁸ Военная карьера Люксембурга продолжалась с 1643 по 1694 гг. Расцвет ее относится к Нидерландским походам Людовика XIV в последней четверти XVII века. Мемуары Люксембурга были изданы в 1758 г. – *Ред.*

¹⁹ Походы Люксембурга лучше всего освещены в мемуарах Фекьера – наиболее распространенном в XVIII веке военном труде. – *Ред.*

²⁰ Место встречи. – *Ред.*

²¹ Он идет на войну. – *Ред.*

Немногим отличались от этого и марши, при которых артиллерия совершенно отделялась от армии, чтобы следовать по более безопасным и удобным дорогам, а обе массы кавалерии менялись местами на крыльях, дабы честь быть на правом крыле выпадала на долю каждой поочередно.

Теперь же, т. е. преимущественно со времени Силезских войн, состояние вне боя настолько проникнуто отношением к бою, что оно находится с ним в самом тесном взаимодействии, и совершенно невозможно мыслить одно в его целом без другого. Прежде в течение кампании бой был оружием в собственном смысле слова, а состояние вне его – лишь рукояткой: первый – стальной клинок, второе – лишь прикрепленный к нему деревянный стержень, и, следовательно, целое состояло из разнородных частей, а теперь на бой надо смотреть, как на лезвие, а на состояние вне боя – как на тупую сторону оружия, целое же является хорошо выкованным металлом, в котором уже нельзя различить, где начинается сталь и где кончается железо.

Это бытие на войне вне боя определяется в наше время отчасти организацией и порядком службы, которые армия приносит из распорядка мирного времени, отчасти же тактическими и стратегическими требованиями данной минуты. Есть три состояния, в которых могут находиться вооруженные силы: квартирное расположение, марши, бивак. Все они одинаково принадлежат к тактике и стратегии. Последние, близко соприкасаясь в данном случае между собою, часто словно вторгаются в область одна другой; порою действительно это имеет место, и многие вопросы могут одновременно рассматриваться и как тактические, и как стратегические.

Мы поговорим об этих трех формах бытия вне боя в общих чертах, пока не связывая их с особыми целями; поэтому мы должны прежде всего рассмотреть общую группировку боевых сил, ибо она представляет как для бивака, так и для расквартирования и для маршей распорядок высшей объемлющей категории.

Если рассматривать группировку вооруженных сил в общем, т. е. безотносительно к особым целям, то мы можем ее мыслить лишь как единство, т. е. как целое, предназначенное для совместного удара, ибо всякое отклонение от этой простейшей формы уже предполагало бы какую-нибудь особую цель. Таким образом, возникает понятие армии, безразлично – крупной или малой.

Далее, там, где отсутствуют какие-либо особые цели, выступает на первый план задача *сохранения*, а следовательно, *безопасности* армии. Таким образом, армия должна иметь возможность существовать без особых невзгод, и она же должна иметь возможность вступить в бой, сосредоточившись и не попадая в особо невыгодное положение, – вот два необходимых условия. Отсюда вытекают дальнейшие условия, касающиеся существования и безопасности армии:

- 1) легкость снабжения продовольствием;
- 2) удобство размещения;
- 3) обеспеченность тыла;
- 4) свободная полоса местности впереди;
- 5) расположение самой группировки на пересеченной местности;
- 6) стратегические опорные пункты;
- 7) целесообразная группировка.

По отдельным пунктам мы можем дать следующие пояснения.

Первые два пункта побуждают к тому, чтобы отыскивать районы населенные и культурные, большие города и проезжие дороги. Они важнее для общего решения, чем для частных.

То, что мы разумеем под обеспеченностью тыла, вытекает из содержания главы о коммуникационных линиях²². Ближайшее и важнейшее условие в этом отношении – это занятие фронта, перпендикулярного к направлению, которое имеет главный путь отступления вблизи от нашего расположения.

Что касается четвертого пункта, то хотя армия и не может обозревать всю полосу лежащей перед ней местности, как она может обозревать пространство перед фронтом при расположении для сражения, но ее стратегическим оком служат авангард, высланные вперед разьезды, лазутчики и пр.; конечно, для этих органов наблюдение на открытой местности легче, чем на пересеченной. Пункт пятый представляет лишь обратную сторону четвертого пункта.

Стратегические опорные пункты отличаются от тактических двумя свойствами: во-первых, тем, что нет необходимости, чтобы армия непосредственно с ними соприкасалась, и, во-вторых, тем, что они должны быть гораздо обширнее. Причина этого лежит в том, что по самой своей природе стратегия вообще вращается в более обширных условиях пространства и времени, чем тактика. Таким образом, если армия разместится на расстоянии одной мили от морского побережья или берега очень большой реки, то стратегически она будет опираться на эти предметы, ибо неприятель не имеет возможности использовать это пространство для стратегического обхода. Он не может углубиться в него на целые дни и недели, на расстояние миль и полных переходов. Напротив того, озеро в несколько миль окружности едва ли в стратегии можно рассматривать как препятствие; при способах действия, свойственных стратегии, несколько миль вправо или влево обыкновенно не составляют вопроса. Крепости могут служить стратегическими опорными пунктами постольку, поскольку они достаточно значительны и могут позволить предпринимать наступательные действия на значительное удаление.

Размещение армии отдельными группами обусловливается или особыми целями и потребностями, или же соображениями общего порядка; здесь речь может идти лишь о последних.

Первая общая потребность – это выдвижение вперед авангарда и других частей, предназначенных для наблюдения за противником.

Вторая заключается в том, что в очень крупных армиях и резервы отодвигаются обыкновенно на несколько миль назад, что ведет к размещению их отдельной группой.

Наконец, прикрытие обоих флангов армии требует обыкновенно отдельно расположенных корпусов.

Под этим прикрытием не следует разумеать, будто выделяется часть армии, чтобы защищать пространство, находящееся на фланге, дабы сделать этот так называемый слабый пункт недоступным для неприятеля. Кто же тогда будет охранять фланг фланга? Это столь распространенное представление – совершеннейшая нелепость. В сущности фланги сами по себе вовсе не являются слабыми частями армии, ибо и у противника тоже есть фланги и он не может угрожать нашим флангам, не подвергая опасности свои. Лишь в том случае, когда условия неравны, когда неприятельская армия сильнее нашей или имеет лучшие сообщения (см. «Коммуникационные линии»), фланги становятся более слабыми частями армии; но здесь мы не имеем в виду этих особых случаев, а следовательно, не говорим и о том случае, когда фланговому отряду действительно будет поручено в связи с другими комбинациями защищать пространство, находящееся на нашем фланге, ибо это уже не входит в категорию общих распоряжений.

Но если фланги и не являются особенно слабыми частями, они все же крайне *важные* части, ибо здесь, благодаря возможности обхода, сопротивление уже не так просто, как на фронте, мероприятия становятся сложнее и требуют больше времени и приготовлений. По этой причине в большинстве случаев является необходимость оградить фланги от непредвиденных

²² См. далее главу XVI части 5-й. – Ред.

предприятий со стороны противника; это достигается сосредоточением на флангах более крупных масс войск, чем это необходимо для простого наблюдения. Чем больше эти массы, тем оттеснение их, даже если они не будут оказывать особо упорного сопротивления, потребует большего времени, большего развертывания неприятельских сил и приведет к более ясному раскрытию его намерений; этим наша цель уже будет достигнута; то, что должно последовать, зависит уже от особых планов, намечающихся в данный момент. Поэтому на части, расположенные на флангах, можно смотреть как на боковые авангарды, задерживающие продвижение противника в пространстве, находящемся за пределами наших крыльев, и обеспечивающие нам время принять соответственные меры для противодействия.

Если этим частям предстоит отходить на главные силы, а последние не начнут одновременно отступать, то очевидно, что они должны быть расположены не на линии общего фронта, а несколько выдвинуты вперед, ибо отступление даже тогда, когда к нему приступают, еще не ввязавшись в серьезный бой, не должно иметь характера резкого бокового движения.

Из этих внутренних оснований для раздельного построения и возникает естественная система четырех или пяти отдельных групп; эти цифры разнятся в зависимости от того, держится ли резерв при главных силах или нет.

Вопросы довольствия и размещения войск, которые вообще приходится учитывать при разрешении вопроса построения, надлежит не упускать из виду и при принятии группового построения. Заботы о продовольствии и размещении должны уложиться в одно русло с рассмотренными выше требованиями; идя навстречу одним, надо не слишком много поступаться другими. В большинстве случаев разделением армии на пять отдельных частей устраняются затруднения, связанные с довольствием и размещением войск, а потому хозяйственные соображения не внесут больших изменений.

Теперь нам остается еще бросить взгляд на удаление, в котором могут располагаться эти отдельные части, сохраняя возможность взаимной поддержки, т. е. совместного вступления в бой. Здесь мы напомним то, что было сказано в главах о продолжительности и решении боя²³; в этом отношении, как мы и говорили, абсолютных данных быть не может, ибо в данном вопросе абсолютная и относительная силы армии, родов войск и условия местности оказывают огромное влияние; надо ограничиться лишь общими соображениями и иметь в виду средние выводы.

Расстояние, на котором может находиться авангард, определить легче всего: так как при своем отступлении он отходит на главные силы, то это расстояние во всяком случае может доходить до большого перехода, причем авангард еще не подвергается риску быть вынужденным дать отдельное сражение. Но его не следует продвигать дальше, чем того требует безопасность армии, так как чем больше ему придется отходить, тем большие потери он понесет.

Что касается частей, расположенных на флангах, то, как мы уже говорили, бой нормальной дивизии в 8000-10000 человек обычно длится несколько часов, даже полдня, прежде чем наступит решение; поэтому можно без опасения расположить такую дивизию на расстоянии нескольких часов ходьбы, т. е. на расстоянии до двух миль, по тем же основаниям корпус в три или четыре дивизии может быть удален на расстояние дневного перехода, т. е. 3-4 мили.

Из этого естественного построения главной массы, разделенной на четыре или пять групп, находящихся друг от друга на указанных расстояниях, возникает известный методизм, который будет автоматически развертывать армию, если только не скажутся решительным образом преследуемые армией особые цели.

Хотя мы и исходим из предпосылки, что каждая из этих отделенных друг от друга групп приспособлена к самостоятельному бою и что каждая из них может оказаться вынужденной принять таковой, но отсюда вовсе не следует, что *истинная задача* такого построения заклю-

²³ Главы VI и VII части 4-й. – *Ред.*

чается именно в ведении боя порознь; обычно необходимость такого раздельного построения представляет лишь временное условие бытия. Как только противник приблизится к расположению армии, дабы добиться боем решения, период стратегии кончается, все сосредоточивается к моменту боя, и вместе с тем минуют и исчезают цели раздельной группировки. Когда начинается сражение, всякие соображения о продовольствии и расквартировании отпадают; наблюдение за неприятелем на фронте и флангах и ослабление его наскока умеренным отпором уже сыграли свою роль, и все теперь стремятся к великому единству генерального сражения. И лучшим критерием для суждения о правильности группировки будет мысль, что разделение сил есть уступка требованиям, неизбежное зло и что конечной целью построения является совместный бой.

Глава VII. Авангард и сторожевое охранение

Вопросы об авангарде и сторожевом охранении принадлежат к числу тех, в которых тактические и стратегические нити взаимно сплетаются. С одной стороны, их надо отнести к порядку, придающему бою определенное оформление и обеспечивающему выполнение тактических предположений, с другой – они часто ведут к самостоятельным боям и вследствие большего или меньшего удаления от главных сил должны рассматриваться как звенья стратегической цепи, это отдельное их расположение и побуждает нас в дополнение к сказанному в прошлой главе несколько на них задержаться.

Войска, не вполне готовые к бою, всегда нуждаются в передовых частях, дабы заблаговременно быть осведомленными о приближении неприятеля и произвести разведку раньше, чем неприятель окажется в пределах кругозора главных сил, ибо последний простирается обычно немногим дальше досягаемости оружия. В каком положении оказался бы человек, глаза которого видели бы не дальше, чем хватают его руки! Сторожевое охранение – глаза армии; это было сказано уже давно. Но потребность в передовых частях не всегда бывает одинаковой; степени ее различны. Силы, расстояние, время, место, обстоятельства, характер войны, даже случайность – все это оказывает на них влияние, а потому не приходится удивляться, если в военной истории пользование авангардом и сторожевым охранением представляется нам не в простых определенных очертаниях, а как беспорядочный сонм разнообразнейших образцов.

Мы видим, что безопасность армии вверяется то определенному отряду – авангарду, то длинной цепи отдельных сторожевых постов; порой мы встречаем и то и другое одновременно, а порой ни о том, ни о другом нет и речи; то у продвигающихся колонн имеется один общий авангард, то каждая имеет свой, отдельный. Мы попытаемся отдать себе ясный отчет в этом вопросе и посмотреть, нельзя ли охватить практику несколькими основными правилами.

Если войска находятся в движении, то более или менее крупный отряд образует их передовую часть, т. е. авангард, а в случае, если совершается отступательное движение, – арьергард. Если армия расположена на квартирах или бивакирует, то передовая ее часть образуется длинной цепью слабых постов – сторожевым охранением. По самой природе вещей, стоя на месте, армия может и должна быть прикрыта на большем пространстве, чем когда она движется. Таким образом, в первом случае само собою возникает понятие цепи постов, а во втором – сосредоточения отряда.

Авангард и сторожевое охранение бывают различной силы, начиная от значительного соединения из всех родов войск и кончая гусарским полком; начиная от укрепленной, занятой всеми родами войск оборонительной линии и кончая простыми, высланными за черту лагеря парными часовыми и пикетами²⁴. Поэтому роль таких передовых частей колеблется от простого наблюдения до оказания сопротивления наступающему противнику; такое сопротивление служит не только для того, чтобы дать время главным силам изготавиться к бою, но и для того, чтобы заставить противника преждевременно развернуться, что в значительной мере увеличит ценность наблюдений над его мероприятиями и намерениями.

Сила авангарда и сторожевого охранения будет больше или меньше в зависимости от того, сколько времени требуется для изготавки войск, а также от того, в какой степени организация нашего сопротивления должна быть сообразована с особыми мероприятиями противника.

Фридрих Великий, которого можно назвать наиболее готовым к бою полководцем и который вел свою армию в сражении почти непосредственно по команде, не нуждался в сильном сторожевом охранении. Поэтому мы его часто видим располагающимся лагерем на глазах у

²⁴ Пикет – небольшая конная застава. – *Ред.*

неприятеля и обеспечивающим себя то гусарским полком, то батальоном легкой пехоты или парными часовыми и пикетами, которые наряжались из лагеря. Во время маршей несколько тысяч сабель кавалерии, большей частью с правого крыла первой линии, составляли авангард; по окончании перехода последний присоединялся к главным силам. Лишь изредка встречаются случаи образования постоянного авангардного отряда.

Если небольшая армия стремится действовать напористо, всей тяжестью своей массы, чтобы использовать превосходство своей выучки и решимости командования, то все должно совершаться почти *«sous la barbe de l'ennemi»*²⁵, так, как действовал Фридрих Великий против Дауна. Отнесение центра тяжести главных сил назад и сложная система охранения совершенно парализовали бы его преимущества. Ошибки и увлечения в этом отношении могли однажды привести к поражению при Гохкирхе, но это вовсе не свидетельствует против такого способа действий; напротив, в том-то и приходится видеть мастерство короля, что за все Силезские войны было лишь одно сражение при Гохкирхе.

Между тем мы видим, что Бонапарт, у которого, конечно, имелись и прекрасная армия и решимость, почти всегда двигался при наличии сильного авангарда. Это вызывалось двумя причинами.

Первая вытекала из изменений, происшедших в тактике. Теперь уже не ведут армию в бой как несложное целое, не управляют уже ею простой командой, и сражение не решается большей или меньшей храбростью и искусством, как большая дуэль; приходится ближе приспособлять свои боевые силы к особенностям местности и обстановки; боевой порядок, а следовательно, и сражение обратились в многочисленное целое; отсюда даже простое решение разрастается в сложный план, а короткая команда – в более или менее длинную диспозицию; это требует времени и выбора надлежащего момента для отдачи распоряжений.

Вторая причина заключается в огромном размере современных армий. Фридрих вел в сражение 30000-40000 солдат, а Бонапарт 100000-200000.

Мы выбрали эти два примера потому, что от столь великих полководцев мы вправе ожидать, что они не изберут без всякого основания какой-либо постоянный метод действия. Вообще пользование авангардом и сторожевым охранением в новейшее время значительно развилось. Но и в эпоху Силезских войн не все поступали подобно Фридриху Великому; мы видим у австрийцев гораздо более сильную систему сторожевого охранения и более частое выдвижение крупного авангарда, на что они имели достаточные основания по своему положению и обстоятельствам. Точно так же наблюдается значительное разнообразие и в современных войнах. Даже французские маршалы Макдональд в Силезии, Удино и Ней в Бранденбурге маневрируют с армиями в 60000-70000 человек, причем ни о каком авангарде мы не встречаем указаний.

До сих пор мы говорили об авангардах и сторожевом охранении с точки зрения степени их силы; существует, однако, и другая черта различия, в которой нам необходимо разобраться. Дело в том, что когда армия, занимающая известное пространство, продвигается общим фронтом вперед или назад, она может для всех своих колонн, двигающихся параллельно, иметь один общий авангард, или один общий арьергард, или же отдельные авангарды и арьергарды для каждой колонны. Чтобы уяснить себе этот вопрос, мы должны направить наши рассуждения следующим путем.

По существу, если имеется отдельный отряд, получивший название авангарда, то он предназначается лишь для охраны безопасности продвигающихся в центре главных сил. Если последние следуют по нескольким близким друг к другу дорогам, которые могут без затруднения быть заняты авангардом и, следовательно, будут прикрыты им, то, разумеется, боковые колонны не нуждаются в особом прикрытии.

²⁵ Под носом у неприятеля. – *Ред.*

Те же колонны, которые в качестве действительно отдельных отрядов продвигаются на более значительном удалении, должны сами позаботиться о выдвигении своих передовых частей. Колонны, находящиеся в центре в составе главных сил, в связи со случайными уклонами дорог могут также оказаться на слишком большом удалении от центра и должны будут сами позаботиться о себе. Таким образом, возникает столько авангардов, сколько будет параллельно следующих колонн; если каждый из этих авангардов будет гораздо слабее, чем должен был бы быть один общий, то они отойдут в ряд других тактических мероприятий, а в стратегическом смысле авангарда вовсе не будет. Если же главная масса в центре будет иметь в качестве передовой части один более крупный отряд, то последний будет фигурировать как авангард целого и во многих отношениях выполнять его задачи.

Что же, однако, может служить поводом к тому, чтобы центру придать гораздо более крупную передовую часть, чем флангам?

Тому имеются следующие три причины:

1. В центре обычно продвигается более сильная масса войск.
2. Из всей полосы, занимаемой армией в ширину, центр как таковой всегда остается самой важной частью, ибо все планы имеют отношение преимущественно к нему, а потому и поле сражения обычно бывает ближе к нему, чем к флангам.
3. Выдвинутый в центре отряд, если и не может охранять фланги, как подлинная их передовая часть, все же в значительной мере хотя и косвенным образом, содействует их безопасности. Дело в том, что в обыкновенных случаях неприятель не может пройти мимо этого отряда на известном расстоянии, чтобы предпринять что-нибудь значительное против фланга, не подвергая при этом себя самого опасности атаки во фланг и тыл. Если влияние, оказываемое выдвинутым из центра отрядом на противника, недостаточно, чтобы строить на нем полную уверенность в безопасности боковых колонн, то все же оно может устранить множество неприятностей, которые боковым колоннам уже не будут страшны.

Таким образом, если передовая часть средней колонны гораздо сильнее, чем передовые части боковых колонн, и, следовательно, представляет отдельный авангард, то задача ее уже не простое назначение передовой части – обеспечить от внезапного нападения войска, находящиеся за ней, а выполнение стратегической роли выдвинутого вперед отряда.

Использование этого отряда можно свести к следующим заданиям, определяющим и его практическое применение:

1. В тех случаях, когда для принятия нами соответственного построения требуется много времени, оказать более сильное сопротивление и принудить противника наступать с большой осторожностью, – следовательно, выполнить в повышенной степени задачу нормальных передовых частей.
2. Если главная масса войск весьма многочисленна, то сделать возможным удерживать эту неуклюжую массу несколько позади, сохраняя вблизи неприятеля более подвижный отряд.
3. Когда иные причины вынуждают нас удерживать главную массу на значительном расстоянии от противника, все же надо иметь поблизости от него отряд для наблюдения.

Мысль, что для этой цели достаточно было бы слабого наблюдательного поста или одних партизан, опровергается тем, что их очень легко прогнать, да и средств наблюдения у них гораздо меньше, чем у крупного отряда.

4. При преследовании неприятеля одним лишь авангардным отрядом, в состав которого следует включить большую часть кавалерии, можно гораздо быстрее передвигаться, вечером позже становиться на ночлег и утром раньше изготавляться, чем при действии всей армией в целом.

5. Наконец, при отступлении – в качестве арьергарда для обороны главных естественных рубежей. И здесь опять-таки центр играет важнейшую роль. На первый взгляд, правда, может показаться, что такому арьергарду постоянно грозит опасность быть обойденным с флангов.

Однако не надо забывать, что если неприятель и продвинется несколько дальше на флангах, то ему все же остается еще пройти все то расстояние, которое отделяет его от центра, чтобы действительно угрожать общему арьергарду. Следовательно, арьергард центра всегда будет иметь возможность задержаться и оказать сопротивление. Однако положение сейчас же становится гораздо серьезнее, если центр начинает отступать быстрее флангов: сразу создается впечатление прорыва; это впечатление само по себе представляет опасность. Никогда потребность сосредоточиваться и сплачиваться не бывает так сильна и никогда так живо она не ощущается каждым, как во время отступления. Назначение крыльев в последней инстанции все же заключается в том, чтобы примкнуть к центру. Когда условия снабжения и дорожная сеть вынуждают отступать широким фронтом, обычно это движение все же заканчивается занятием сосредоточенного к центру расположения. Если ко всему сказанному еще добавить, что неприятель в свою очередь обыкновенно продвигается своими главными силами в центре и развивает здесь главный нажим, то мы вынуждены будем признать, что арьергард центра имеет особую важность.

Итак, выдвижение вперед отдельного авангардного отряда окажется целесообразным во всех тех случаях, когда имеет место одно из перечисленных заданий. Но они почти никогда не имеют места, если центр не сильнее флангов. Последнее наблюдалось у Макдональда, когда он в 1813 г. наступал в Силезию против Блюхера, и у последнего на его марше к Эльбе. У обоих было по три корпуса, которые обычно шли тремя параллельными колоннами по трем разным дорогам. Поэтому нигде в не упоминается об авангардах этих армии.

Но такое построение тремя равносильными колоннами отнюдь нельзя рекомендовать, равно как и подразделение армии на три части, что делает ее чрезвычайно неповоротливой; это нами было уже указано в V главе 3-й части²⁶.

При построении целого в виде центра и двух отдельных крыльев, которое мы признали в прошлой главе наиболее естественным, пока не возникают какие-либо особые задания, авангардный отряд согласно простейшей идее окажется впереди центра, следовательно, и впереди фронта обоих крыльев; но так как боковые колонны имеют в сущности такое же назначение по отношению к флангам главных сил, какое авангард имеет на их фронте, то очень часто может случиться, что боковые колонны будут находиться на одной линии с авангардом, а иногда, в зависимости от особых обстоятельств, могут оказаться даже выдвинутыми еще дальше вперед.

О силе авангарда говорить много не приходится. В настоящее время установился вполне правильный обычай назначать для этой цели одну или несколько высших единиц, на которые расчленяется целое, усиливая их частью кавалерии; следовательно, это будет корпус, если армия разделена на корпуса, одна или несколько дивизий, если она делится на дивизии.

Легко заметить, что и в этом отношении деление армии на большее число членов представляет известное преимущество.

Удаление, на которое следует выдвигать авангард, всецело зависит от обстоятельств; бывают случаи, когда он выдвигается перед главными силами дальше, чем на расстояние дневного перехода; порою же он располагается вплотную перед ними. В огромном большинстве случаев мы видим его на расстоянии от 1 до 3 миль, и это, конечно, свидетельствует, что обстановка чаще всего требует такого удаления; но из этого нельзя делать общего правила для руководства.

До сих пор в наших рассуждениях мы совершенно не касались *сторожевого охранения*; вернемся к нему вновь.

Когда мы вначале сказали, что сторожевое охранение соответствует пребыванию войск на месте, а авангард – на марше, то мы этим преследовали цель отнести эти понятия к их источ-

²⁶ Описка автора; надо читать: «в V главе этой (т. е. пятой) части». – *Ред.*

нику и предварительно провести между ними границу; но ясно, что, придерживаясь буквально этого определения, мы только впали бы в педантизм.

Когда армия на марше останавливается вечером на ночлег, чтобы утром снова выступить дальше, то, конечно, и авангард делает то же самое и всякий раз выставляет для охраны самого себя и всего целого сторожевое охранение, но это еще не обращает авангард в сторожевую часть. Рассматривая сторожевое охранение как нечто противопоставляемое понятию авангарда, мы усмотрим обращение авангарда в сторожевую часть лишь при условии, что главная масса войск, составляющих передовую часть, разбросается по отдельным пунктам и от нее в смысле сосредоточенного отряда останется или очень мало или даже ничего, и, таким образом, понятие длинной линии постов возобладает над понятием объединенного отряда.

Чем короче время покоя, тем менее совершенны могут быть меры охранения, при переходах из дня в день противник не может даже иметь возможности разобраться, что прикрыто охранением и что нет. Но чем дольше остановка, тем совершеннее должны быть организованы и наблюдение, и прикрытие всех подступов. Таким образом, как общее правило, при более продолжительных стоянках авангард будет постепенно все более и более растягиваться в линию охранения. Обратится ли он совершенно в последнее или же понятие объединенного отряда останется преобладающим, зависит главным образом от двух обстоятельств. Первое – это близость противостоящих армий, второе – свойства местности.

Если армии по сравнению со своим протяжением по фронту находятся очень близко друг от друга, то авангард между ними часто явится уже неуместным, охранение будет достигаться лишь рядом мелких постов.

Вообще сосредоточенному отряду, менее непосредственно прикрывающему подступы, требуется более времени и пространства, чтобы оказать свое влияние, а потому в тех случаях, когда армия занимает пространство значительной ширины, как, например, при квартирном расположении, ей необходимо устраиваться на значительном расстоянии от неприятеля, чтобы подступы к ней могли охраняться сосредоточенным отрядом; отсюда зимние квартиры, например, прикрываются обычно кордоном охранения.

Второе обстоятельство – это свойства местности; там, где сильный местный рубеж предоставляет возможность небольшими силами организовать прочную линию охранения, это обстоятельство, конечно, не оставят неиспользованным.

Наконец, на зимних квартирах суровая погода может также послужить основанием обратиться авангард в линию постов, чтобы облегчить его размещение по квартирам.

Применение сильной линии охранения было доведено до наибольшего совершенства в англо-голландской армии во время зимнего похода 1794–1795 гг.: сторожевая линия образовывалась отдельными позициями, которые занимали целые бригады из всех родов войск, поддержанные резервом. Шарнгорст, находившийся при этой армии, ввел этот прием в прусской армии в 1807 г. при занятии ею р. Пассарги в Восточной Пруссии. Но такой метод охранения редко встречается в новейшие воюющие, главным образом потому, что войны стали чрезвычайно маневренными. Однако даже там, где для его применения представлялся удобный случай, последний упускался, как, например, Мюратом под Тарутино. Если бы он больше растянул свою линию обороны, то не потерял бы в аванпостном бою трех десятков пушек.

Нельзя отрицать, что при соответствующих условиях это средство может дать много выгод, о чем мы еще будем говорить по другому поводу.

Глава VIII. Способ действия передовых частей

Безопасность армии зависит, как мы видели, от того воздействия, какое авангард и боковые отряды окажут на наступающего противника. На эти отряды в случае их борьбы с главными силами неприятеля надо всегда смотреть как на чрезвычайно слабые. Поэтому необходимо особо пояснить, как они могут выполнить свое назначение без особо крупных потерь из-за значительного неравенства сил.

Их назначение – наблюдение за противником и замедление его наступления. Слабая часть не способна удовлетворить даже первому требованию, отчасти потому, что ее легко прогнать, отчасти же потому, что ее средства, т. е. глаза, не могут далеко видеть.

Но наблюдение должно достигать и более высокой степени: нужно, чтобы неприятель оказался вынужденным развернуть перед передовым отрядом свои войска и при этом раскрыл бы не только свои силы, но и планы.

Для этой цели достаточно одного наличия передовых частей; им надо лишь выждать окончания мероприятий противника для атаки, а затем приступить к отходу.

Но сверх этого они должны еще замедлить наступление противника, а для этого необходимо оказать уже действительное сопротивление.

Как же представить себе это выжидание до последней минуты и сопротивление при условии, что передовые части не будут всегда подвергаться опасности крупных потерь? Это возможно, главным образом, потому, что и неприятель подвигается с выдвинутым вперед авангардом, а не надвигается сразу всей охватывающей и подавляющей силой своей армии. Неприятельский авангард может сам по себе быть сильнее нашего передового отряда, и к этому противник, естественно, будет стремиться; и неприятельская армия может находиться от него в более близком расстоянии, чем мы от своего авангарда, а так как она уже наступает, то скорее прибудет на поле боя, чтобы всей своей мощью поддержать натиск своего авангарда. Однако уже первый этап, когда выдвинутый нами вперед отряд будет иметь дело только с неприятельским авангардом, более или менее равным по силе, дает известный выигрыш времени и позволяет некоторое время наблюдать за приближающимся противником, не подвергая пока опасности собственное отступление.

Но оказание передовым отрядом некоторого сопротивления на подходящей позиции не влечет за собой всех тех невыгод, которых можно было бы ожидать в другом случае при таком несоответствии сил. Главная опасность в борьбе с превосходящими силами противника заключается в том, что можно оказаться обойденным и подвергнуться всем последствиям охватывающей атаки. Но эта опасность в данном случае значительно уменьшается, так как наступающий никогда не знает в точности, насколько близка поддержка со стороны самой армии, а потому опасается, как бы не поставить свои посланные в обход колонны между двух огней. Вследствие этого наступающий всегда держит свои отдельные колонны приблизительно на одной высоте и лишь тогда, когда окончательно выяснит расположение противника, начинает осторожно и осмотрительно обходить один из флангов. Подобная осторожность и медленное нащупывание дают возможность выдвинутому вперед отряду отступить до назревания действительной опасности.

Продолжительность действительного сопротивления такого отряда фронтальной атаке и началу обхода зависит, главным образом, от характера местности и близости подкреплений. Если это сопротивление продолжится за пределы естественной меры, – или по неразумию, или из самоотвержения, чтобы выиграть армии нужное время, – то последствием всегда будут крупные потери.

Лишь в самых редких случаях, а именно, когда крупный местный рубеж представляет для того удобства, подлинное боевое сопротивление может получить серьезное значение. Вообще

же продолжительность небольшого сражения, какое может дать передовой отряд, сама по себе едва ли представляет достаточный выигрыш времени. Последний получается тройным путем, что вытекает из природы самого дела, а именно:

- 1) вследствие осторожного, а следовательно, медленного продвижения противника;
- 2) вследствие известной длительности действительного сопротивления;
- 3) при посредстве самого отступления.

Это отступление должно выполняться настолько медленно, насколько допускает безопасность. Там, где местность дает возможность вновь занять позицию, она должна быть использована, что вынудит противника вновь приступить к подготовке атаки и обхода и, таким образом, даст новый выигрыш времени. На новой позиции, может быть, окажется возможным принять и настоящий бой.

Мы видим, что боевое сопротивление и отход тесно связаны между собою; длительность, которой недостает у этих боев, вознаграждается их повторностью.

Таков метод сопротивления выдвинутого вперед отряда. Результат его определяется прежде всего силой отряда и свойствами местности, затем расстоянием, на которое отряду приходится отходить назад, и той поддержкой, которую ему окажут главные силы.

Небольшая часть даже при равном соотношении сил не может оказать столь продолжительное сопротивление, как значительный отряд, ибо чем массы больше, тем больше времени требуется им для выполнения своих задач, каковы бы последние ни были. В гористой местности уже само движение совершается медленнее, а сопротивление на отдельных позициях более длительно и безопасно; такие позиции встречаются на каждом шагу.

Удаление, на которое был выдвинут отряд, увеличивает продолжительность его отступления, а следовательно, увеличивает и абсолютный выигрыш времени от его сопротивления; но так как такой отряд по своему положению менее способен к сопротивлению и не опирается на достаточную поддержку, он пройдет это расстояние относительно скорее, чем при более близком расстоянии от главных сил.

Прием и поддержка, которые будут оказаны такому отряду, должны, естественно, оказывать влияние на длительность его сопротивления, ибо все то, что приходится делать при отходе из предосторожности и осмотрительности, идет в ущерб сопротивлению и представляет минус во времени.

Заметная разница во времени, выигрываемом благодаря сопротивлению выдвинутого вперед отряда, получается, если неприятель встречается с ним лишь во второй половине дня; так как ночью редко пользуются для дальнейшего продвижения, то выигрыш времени бывает соответственно больше. Например, в 1815 г. перед Первым прусским корпусом генерала Цитена, силой около 30000 человек, оказался Бонапарт во главе 120000 человек; на коротком пути между Шарлеруа и Линьи, едва достигающем 2 миль, Цитен сумел выиграть для сосредоточения прусской армии свыше 24 часов. Первая атака на генерала Цитена последовала 15 июня около 9 часов утра, а сражение под Линьи началось 16-го в 2 часа пополудни. Правда, генерал Цитен понес очень чувствительный урон – от 5000 до 6000 человек убитыми, ранеными и пленными.

Если мы обратимся к опыту, то можно прийти к следующему выводу, дающему точку опоры для суждений по этому поводу.

Дивизия в 10000-12000 человек, усиленная кавалерией, выдвинутая вперед на расстояние перехода в 3–4 мили, будет иметь возможность задержать неприятеля, включая в задержку и время отступления, даже на обычной, не слишком содействующей обороне местности, в течение времени в полтора раза большего, чем сколько потребовалось бы употребить на простое движение через полосу отступления; если же эта дивизия выдвинута лишь на расстояние 1-й мили, то задержка неприятеля будет втрое или вчетверо больше того времени, которое потребовалось бы для простого марша.

Таким образом, при расстоянии в 4 мили, когда обычная длительность перехода равна 10 часам, можно рассчитывать на выигрыш приблизительно 15 часов с момента появления значительных сил неприятеля перед передовой позицией и до момента, когда они будут в состоянии напасть на наши главные силы. Если же авангард стоит на расстоянии всего 1-й мили от нашего войска, то время, какое протечет до возможного нападения на нас, будет превышать 3–4 часа, возможно даже вдвое больше, ибо время, какое понадобится неприятелю для того, чтобы развернуть свои силы против нашего авангарда, будет обычной продолжительности; время же сопротивления, оказанного в данном случае авангардом на его первой позиции, будет даже большим, чем на позиции, более удаленной от главных сил.

Отсюда вывод, находящий многочисленные подтверждения в боевом опыте: при первом варианте неприятелю нелегко будет предпринять атаку на нашу армию в тот самый день, в который он собьет наш авангард. Даже при втором варианте неприятель должен по меньшей мере потеснить наш авангард в первой половине дня, чтобы у него еще оставалось время для сражения.

Так как при первом варианте к нам приходит на помощь ночь, то мы видим, как много времени можно выиграть, продвинув авангард вперед на более далекое расстояние.

Мы отметили выше назначение отрядов, выставленных на флангах армии; их метод действия в большинстве случаев более или менее обусловлен обстоятельствами данного конкретного случая. Проще всего рассматривать их как выставленные в стороны авангарды, которые, будучи в то же время выдвинуты несколько вперед, отходят к главным силам в косом направлении.

Так как эти отряды находятся не прямо перед армией и потому не могут с таким удобством при отходе получить поддержку с обеих сторон, как настоящий авангард, то они подвергались бы большей опасности, если бы и сила удара противника в большинстве случаев не была слабее на оконечностях его фронта; на худой конец боковые отряды имеют простор для отхода и не подвергают армию при этом такой непосредственной опасности, какую может повлечь за собой обратившийся в бегство авангард.

Высылка кавалерии – излюбленный и самый лучший способ принять отходящий передовой отряд. При значительном удалении можно расположить резерв этого рода оружия между армией и выдвинутым вперед отрядом²⁷.

В конечном выводе мы можем сказать, что передовые отряды оказывают должное влияние не столько реальным напряжением сил, как простым своим присутствием, не столько теми боями, которые они действительно дают, сколько возможностью тех боев, которые они могли бы дать. Они нигде не могут фактически остановить продвижение неприятеля, но, как груз на маятнике, они могут его умерять и регулировать, в результате чего неприятельское наступление может быть подвергнуто более правильному учету.

²⁷ Клаузевиц исходит из господствовавшего тогда в тактике взгляда на кавалерию как на род войск, особенно пригодный для использования в качестве резерва. – *Ред.*

Глава IX. Бивачное расположение²⁸

Мы рассматриваем три состояния армии вне боя только в стратегическом отношении, т. е. постольку, поскольку они обуславливают место, время и количество вооруженных сил. Все те темы, которые касаются внутренней организации боя и перехода к состоянию боя, относятся к тактике.

Расположение лагерем, под которым мы разумею всякое размещение войск, за исключением квартирного, будь то в палатках, землянках или под открытым небом, стратегически вполне тождественно с боем, обусловленным этой группировкой армии. Тактически же оно не всегда с ним тождественно, ибо по самым разнообразным причинам можно для лагерной стоянки избрать несколько иное место, чем то, которое намечено для поля сражения. После того, как мы сказали все необходимое относительно построения армии, т. е. о месте, которое должны занять отдельные ее части, расположение лагерей дает нам повод привести здесь лишь несколько исторических соображений.

В прежние времена, т. е. раньше чем армии вновь возросли до значительных размеров, а войны сделались более длительными и связанными в своих отдельных частях в одно целое, и вплоть до французской революции, войска всегда располагались лагерем в палатках. Это было их нормальным состоянием. С наступлением тепла они покидали свои зимние квартиры и вновь занимали последние лишь с наступлением зимы. На зимние квартиры надо смотреть в известной степени как на состояние вне войны, ибо в этот период силы были как бы нейтрализованы, и ход всего часового механизма словно приостанавливался. Расквартирование на отдых, предшествовавшее зимним квартирам в собственном смысле, и всякое другое размещение по обывательским квартирам на короткое время и на тесном пространстве являлись лишь переходными, исключительными состояниями.

Как такое повторное и добровольное нейтрализование сил могло мириться, – да еще и в наше время мирится, – с целями и существом войны, разбирать здесь не место; мы к этому вернемся впоследствии; сейчас нам достаточно установить, что так оно было.

Со времени французских революционных войн войска совершенно отказались от пользования палатками вследствие огромных обозов, которых последние требовали. С одной стороны, нашли более выгодным держать при армии в 100000 человек, вместо 6000 лошадей, предназначенных для перевозки палаток, 5000 человек кавалерии или сотню-другую лишних орудий, с другой – при крупных и быстрых передвижениях такой обоз оказывался помехой и приносил мало пользы.

Но это в свою очередь вызвало два отрицательных явления: боевые силы стали скорее расходоваться, а страна больше разорялась.

Как ни слаб кров из простого холста, все же нельзя не признать, что, утратив его защиту, войска лишились на длительное время значительного удобства. В течение одного какого-нибудь дня разница в пользу палатки мало ощутительна, ибо от ветра и холода палатка почти не защищает, а от сырости – очень несовершенно; но эта ничтожная разница, когда она повторяется 200–300 раз в год, становится весьма существенной. Естественным последствием является убыль в войсках от болезней.

Нет надобности подробно объяснять, как отсутствие палаток отражается на росте разорения страны.

Поэтому можно было бы думать, что отмена палаток этими двумя своими отрицательными воздействиями будет способствовать ослаблению интенсивности войны; приходилось бы дольше и чаще останавливаться по квартирам, а за неимением средств для устройства лагеря

²⁸ В оригинале «Лагери». – *Ред.*

– не раз отказываться от расположения, занятие которого было бы возможным при наличии палаток.

Таковы бы и были последствия, если бы в эту эпоху война не подверглась вообще коренным изменениям, поглотившим эти мелкие второстепенные влияния.

Ее стихийный огонь стал таким всепожирающим, а ее энергия столь чрезвычайной, что исчезли и имевшиеся регулярные периоды покоя; все силы в неудержимом порыве устремились теперь к решительному акту, о чем мы подробнее будем говорить в 9-й части²⁹. При таких обстоятельствах ясно, что не могло быть и речи о какой-либо перемене в способах использования вооруженных сил, которую могло бы обусловить уничтожение палаток. Теперь располагаются в землянках или под открытым небом, нисколько не считаясь с погодой, временем года и местностью, как того требуют поставленные цели и общий план действий.

Сохранит ли война во все времена и при всяких обстоятельствах эту энергию, об этом мы еще поговорим в дальнейшем: там, где у войны нет энергии, отсутствие палаток несомненно может оказать влияние на ее ведение; но чтобы это обратное действие могло когда-либо стать достаточно сильным, чтобы вновь привести к восстановлению палаточных лагерей, представляется нам сомнительным. Для стихии войны открылись более широкие границы; она может возвращаться в прежние узкие рамки лишь периодически на известное время, при известных обстоятельствах, затем снова прорвется всей необузданностью своей природы за их пределы. А постоянная организация войск должна рассчитываться лишь на такие периоды.

²⁹ Этой 9-й части не существует. Вероятно, надлежит читать «в 8-й части». – *Ред.*

Глава X. Марши

Марши представляют собою лишь простой переход из одного расположения в другое и подчиняются двум основным условиям. Первое – это удобство войск, дабы понапрасну не расходовались их силы, могущие найти себе более полезное применение; второе – точность движений, дабы они отвечали нашим расчетам. Если бы захотели двинуть 100000 человек одной колонной, т. е. по *одной* дороге без дистанций между частями, то хвост такой колонны никогда не прибыл бы в один и тот же день на место назначения вместе с ее головой; пришлось бы или продвигаться чрезвычайно медленно, или же вся масса, как низвергающаяся струя воды, разбилась бы на множество капель, а такое раздробление в связи с чрезмерным напряжением сил, которое выпало бы на долю частей, следующих в хвосте длинной колонны, скоро привело бы ее в состояние невообразимой сумятицы.

Уклоняясь от этой крайности, мы организуем переход тем легче и точнее, чем меньше будет масса войск, построенных в одну колонну. Отсюда возникает необходимость *разделения сил*, которое ничего не имеет общего с тем подразделением, которое вызывается раздельным построением армии. Таким образом, разделение на походные колонны хотя в общем и исходит из принятой группировки, но не следует за ней во всех частностях. Большую массу войск, какую желают сгруппировать сосредоточенно в одном пункте, придется разделить на части во время марша. Но даже тогда, когда раздельное построение обуславливает раздельный марш, могут преобладать или условия построения, или условия марша. Если, например, группировка имеет в виду лишь отдых и в ней ожидать боя не приходится, то преобладают соображения, связанные с маршем, а последние заключаются преимущественно в выборе хороших проезжих дорог. Имея в виду эти различные подходы, в одном случае будут выбирать дороги применительно к квартирному расположению и лагерям, а в другом – будут выбирать квартиры и лагеря применительно к дорогам. В тех случаях, когда ожидают сражения и дело сводится к сосредоточению массы в соответственном пункте, не придется задумываться над тем, чтобы по нужде повести войска по самым плохим проселкам. Если же находятся с армией, так сказать, еще на пути к театру войны, то для колонн выбирают ближайшие большие проезжие дороги, а места для расквартирования и лагерей отыскивают вблизи них, какие попадутся.

К какой бы из двух категорий ни принадлежал каждый данный переход, все же общим правилом современного военного искусства является, чтобы всюду, где бой возможен, т. е. на всей подлинной территории войны, колонны были организованы так, чтобы содержащаяся в них масса войск была способна вести самостоятельный бой. Это условие выполняется путем объединения трех родов войск, органическим разделением целого и соответственной организацией командования. Таким образом, новый боевой порядок больше всего вызван условиями маршей, а организация последних извлекла из него наибольшие выгоды.

Когда в середине прошлого столетия, особенно на театре войны Фридриха II, начали смотреть на передвижение войск как на своеобразное ударное начало и стали вырывать победу при помощи неожиданных передвижений, то недостаток органического боевого порядка делал необходимым самые искусственные и неуклюжие распорядки марша. Чтобы выполнить вблизи противника какое-либо передвижение, необходимо быть всегда готовым к бою; но этой готовности никогда не было, раз армия не была сосредоточена вместе, ибо лишь в последнем случае армия составляла боеспособное целое. Вторую линию при фланговых движениях, – дабы она всегда находилась на надлежащем расстоянии от первой, т. е. не дальше $\frac{1}{4}$ мили, – приходилось вести с большим трудом и усилиями «через пень и колоду», и то лишь при хорошем знании местности, – ибо где можно найти на расстоянии $\frac{1}{4}$ мили две проезжие дороги, параллельные одна другой? То же имело место и с колоннами кавалерии, следовавшими по сторонам,

когда движение направлялось прямо на неприятеля. Другая беда была с артиллерией, которой требовалась отдельная, прикрытая пехотой дорога, ибо пехота должна была образовать непрерывную линию, а артиллерия сделала бы ее длинные, растянутые колонны еще более растянутыми и спутала бы все дистанции. Стоит лишь прочесть диспозиции для походного движения в истории Семилетней войны Темпельгофа, чтобы получить полное представление о всех этих обстоятельствах и тех путях, которыми война была тогда связана.

Но затем новейшее военное искусство ввело органическое подразделение армии на части; крупнейшие из них должны рассматриваться как целые меньшего порядка, способные в бою воспроизвести все действия крупного целого, с той единственной разницей, что таковые явятся относительно кратковременными; теперь даже в тех случаях, когда имеют в виду нанести совместный удар, уже не приходится держать колонны в близком друг от друга расстоянии, так, чтобы все они могли сомкнуться перед началом боя; достаточно, если такое соединение произойдет во время боя.

Чем меньше войсковая масса, тем она подвижнее, тем менее она нуждается в том разделении, которое обуславливается не принятой группировкой, а необходимостью бороться с беспомощностью массы. Небольшая часть пойдет по одной дороге, а если ей надо продвигаться по нескольким направлениям, то всегда можно найти рядом достаточно хорошие для этого дороги. Чем больше становятся массы, тем сильнее потребность в разделении, в увеличении числа колонн и в проезжих и даже больших дорогах; это ведет и к увеличению расстояния между колоннами. В обратном пропорциональном отношении, выражаясь математически, к этой потребности разделения находится сопряженная с разделением опасность. Чем меньше части, тем скорее они должны поспевать друг другу на помощь; чем они больше, тем дольше они могут быть предоставлены собственным силам. Стоит лишь вспомнить то, что по этому поводу было сказано в предшествующей части этого труда, и учесть, что в культурной местности на удалении нескольких миль от главной дороги всегда можно найти параллельные проезжие дороги³⁰, чтобы уяснить себе, что в организации марша не предвидится особенно больших затруднений, которые сделали бы несовместимым быстрое продвижение и точное прибытие с надлежащим сосредоточением. В горах же, где параллельные дороги встречаются значительно реже, а связь между ними крайне затруднительна, способность к сопротивлению отдельных колонн будет гораздо больше. Чтобы лучше уяснить этот вопрос, рассмотрим его в конкретном оформлении.

Дивизия в 8000 человек обычно занимает вместе со своей артиллерией и некоторым обозом пространство, проходимое в течение одного часа³¹; таким образом, если по одной дороге следуют две дивизии, то вторая прибывает после первой через час; дивизия, как мы уже говорили в VI главе 4-й части, даже против превосходящего ее силами неприятеля может выдержать бой в течение нескольких часов; следовательно, вторая дивизия, даже в худшем случае, т. е. если бы первой пришлось вступить в бой немедленно, прибыла бы не слишком поздно. Далее, на расстоянии часа ходьбы справа и слева от большой дороги, по которой следуют, можно будет всегда найти в культурных странах Средней Европы проселочные дороги, которыми войскам будет легко воспользоваться, чтобы избежать движения целиною, как то часто имело место в Семилетнюю войну.

Кроме того, опытом установлено, что армия, состоящая из четырех дивизий и кавалерийского резерва, может даже по плохим дорогам совершить в восемь часов своей головной частью переход в 3 мили. Будем считать на глубину каждой дивизии по часу, столько же на кавалерийский и артиллерийский резервы; тогда весь переход будет совершен в течение три-

³⁰ В современной Франции на каждые 6 километров фронта марша можно рассчитывать на одну шоссированную дорогу. — *Ред.*

³¹ Клаузевиц указывает, что глубина походной колонны дивизии — 4 километра. — *Ред.*

надцати часов. Это не чрезмерный срок; в данном случае пройдет по одной дороге до 40000 человек. Но при подобной массе войск можно найти и воспользоваться и более отдаленными проселками, а следовательно, еще больше сократить время перехода. Если бы масса войск, которая должна следовать по одной дороге, оказалась еще больше, чем предыдущая, то мы имели бы дело с тем случаем, когда прибытие ее полностью в один и тот же день уже не было бы столь необходимо, ибо такие массы войск в наше время не вступают в бой в первый же момент их сближения с противником, но обычно лишь на следующий день.

Мы привели эти конкретные случаи не для того, чтобы исчерпать ими все стороны вопроса, а для того, чтобы лучше пояснить нашу мысль и показать на опыте, что при современном способе ведения войны организация маршей уже не представляет особых трудностей, ибо самые быстрые и точные переходы уже не требуют особого искусства и подробного знакомства с местностью, как то имело место в Семилетнюю войну при быстрых и точных маршах Фридриха Великого; более того, можно сказать, что в настоящее время они совершаются почти сами собою благодаря органическому подразделению армии, во всяком случае, для этого не требуется составления обширных диспозиций. В прежнее время сражениями руководили посредством простой словесной команды, а переходы требовали длинных диспозиций; в наши дни боевые порядки требуют диспозиций, а для марша почти достаточно одной команды. Как известно, все марши распадаются на фронтальные и параллельные. Последние носят название также фланговых и изменяют геометрическое положение частей; то, что при построении на месте стояло рядом, то на марше окажется в затылок одно другому, и наоборот. Хотя направлением движения может служить любой угол в пределах прямого, однако порядок марша должен непременно обуславливаться принадлежностью его к тому или другому типу.

Только в тактике оказалось бы возможным совершить в точности это геометрическое изменение, и то лишь в случае, если воспользоваться для этого так называемым движением в колоннах рядами³², что для больших масс невозможно. Тем менее это выполнимо в стратегии. Частями, меняющими свои геометрические соотношения, являлись при прежнем боевом порядке крылья и линии, при новом же обычно высшие подразделения: корпуса и дивизии, пожалуй, и бригады, – в зависимости от того, на какие единицы подразделяется целое. Однако и здесь сказываются отмеченные нами выше особые свойства нового боевого порядка: уже нет прежней необходимости, чтобы целое было в полном сборе до приступа к боевым действиям, и заботы направляются главным образом на то, чтобы уже сосредоточившиеся части образовали целое. Если две дивизии расположены так, что одна из них стоит позади другой в качестве резерва и им надлежит выступить против неприятеля по двум дорогам, то никому не придет в голову разделить каждую дивизию по обеим дорогам: не задумавшись, каждой дивизии отделяют отдельную дорогу и заставляют их следовать параллельно, поручив каждому из командиров дивизии самому озаботиться выделением своего резерва на случай боя. Единство командования гораздо важнее, чем первоначальное геометрическое соотношение; если дивизии придут без боя на назначенную им позицию, то они могут снова занять прежнее положение по отношению одна к другой. Когда две рядом стоящие дивизии должны совершить *фланговый* марш по двум дорогам, то еще менее может прийти в голову мысль указать позади стоящим частям или эшелонам каждой из этих дивизий идти по задней дороге; конечно, укажут каждой дивизии отдельную дорогу, и, таким образом, одна будет рассматриваться на время марша как резерв другой. Если армия, состоящая из четырех дивизий, из коих три расположены на фронте, а четвертая в резерве, должна двинуться против неприятеля в этом же порядке, то естественно будет указать каждой из трех дивизий, стоящих в первой линии, отдельную дорогу, а четвертую направить за той дивизией, которая идет в середине. Если бы эти три дороги оказались на

³² Автор хочет сказать, что в тактике возможен фланговый марш без каких-либо перестроений, при простом повороте всех частей налево или направо и движении их в колоннах рядами. – *Ред.*

слишком значительном удалении, то можно было бы без колебаний двинуться и по двум, не опасаясь, что от этого может произойти какой-либо существенный ущерб.

То же имеет место в обратном случае флангового марша.

Другой вопрос – это построение колонн справа или слева. При фланговом марше оно получается само собой. Никто не будет выполнять захождение направо, чтобы двигаться влево. При движениях вперед и назад порядок марша должен бы собственно принаравливаться к положению дороги относительно участка предстоящего развертывания. В тактике это действительно может иметь место во многих случаях, ибо расстояния в ней меньше и, следовательно, здесь легче обозреть геометрические соотношения. В стратегии же это совершенно невозможно, и если мы все-таки время от времени видим, как в ней проводят некоторую аналогию с тактикой, то это представляет собою чистый педантизм. Впрочем, раньше весь распорядок маршей являлся исключительно делом тактики, так как и на марше армия оставалась неделимым целым и имел значение только *общий бой* целого; поэтому, например, Шверин 5 мая, выступая из района Брандейса, не мог предусмотреть, находится ли его будущее поле сражения справа или слева от дороги, и ему пришлось произвести свой знаменитый контрмарш³³.

Когда армия старого боевого порядка двигалась к неприятелю четырьмя колоннами, то оба крыла кавалерии первой и второй боевых линий составляли обе внешние колонны, а пехотные крылья обеих линий – две средние колонны. Эти колонны могли начать движение или все справа, или все слева, или правое крыло справа, а левое – слева, или левое – справа, а правое – слева; в последнем случае построение называлось «из середины». Все эти формы находились в известном отношении к будущему развертыванию, но в сущности они именно в этом отношении были безразличны. Когда Фридрих Великий двинулся на поле сражения у Лейтена, он построился крыльями, в четырех колоннах справа; он с легкостью, столь прославленной всеми историками, мог построить линейный боевой порядок только потому, что случайно ему захотелось атаковать левый фланг австрийцев, но если бы он захотел обойти правый фланг, то ему потребовалось бы, как под Прагой, произвести контрмарш.

Если даже тогда эти формы не соответствовали цели, то в наше время по отношению к ней они представляли бы в полном смысле слова детскую игру. Как раньше, так и теперь никто не знает положения поля сражения по отношению к тому пути, по которому приходится двигаться, и небольшая потеря времени, какая происходит от неправильного построения справа или слева, в наше время играет неизмеримо меньшую роль, чем прежде. И здесь новый боевой порядок оказывает свое благотворное влияние: совершенно безразлично, какая дивизия прибудет первой и какую бригаду поведут первой в огонь.

При таких обстоятельствах движение колонн справа или слева имеет лишь то значение, что если его производят попеременно, то это выравнивает тяготы, выпадающие на долю войск. Последнее составляет хотя и единственное, но весьма существенное основание сохранять построение даже в крупных передвижениях³⁴.

При этих условиях построение «из середины» как определенный походный порядок само по себе отпадает и может возникать лишь случайно; марш «из середины» одной колонны в стратегии вообще представляет нелепость, так как он требовал бы двух дорог.

³³ Клаузевиц имеет в виду контрмарш Шверина 6 мая 1757 г. перед сражением под Прагой; колонны Шверина были построены слева и, следовательно, приспособлены к развертыванию вправо; между тем 60000 Шверина, при которых находился и Фридрих Великий, вышли на самый правый фланг участка развертывания. Состоялась консультация опытейших строевиков – как быть? Чтобы сохранить нормальное положение в боевом порядке – правый фланг направо, левый налево, прусская армия завернула правое плечо кругом; голова колонны ушла на место хвоста, а хвост колонны встал на место головы; тогда армия зашла повзводно кругом, оказалась перестроенной в колонну справа и приступила к нормальному развертыванию влево. – *Ред.*

³⁴ Так как движение в голове колонны легче, чем в хвосте, то правильнее поочередно ставить в голову колонны то первые полки в дивизии (или первые батальоны в полку), то последние. – *Ред.*

Впрочем, походный порядок относится скорее к тактике, чем к стратегии, ибо он представляет собою разложение целого на члены, которые после перехода снова должны обратиться в целое. Но так как в современном военном искусстве уже не обращают особого внимания на то, чтобы части непременно были вместе, а их, напротив, на марше удаляют друг от друга и предоставляют самим себе, то легко может случиться, что последствием этого будут бои, которые частям придется выдержать самим по себе и которые в сумме составят общее сражение. Вот почему мы и сочли нужным так долго задержаться на этом вопросе.

Но так как построение тремя рядом расположенными частями, как мы видели во II главе³⁵ этой части, оказывается самым естественным в тех случаях, когда не преобладает какая-либо специальная цель, то из него возникнет и походный порядок тремя большими колоннами, как самый естественный.

Теперь нам остается лишь отметить, что понятие колонны определяется не только особой дорогой, по которой следует известная масса войска, но что этим названием приходится обозначать в стратегии каждую из масс войск, следующих по одной и той же дороге одна за другой в течение нескольких дней, ибо деление на колонны происходит главным образом для сокращения и облегчения переходов, так как небольшое число людей продвигается всегда легче и быстрее, чем большое. Этой цели можно, однако, достигать не только тем, что проводят войска разными дорогами, но и тем, что их ведут по той же дороге, но в разные дни.

³⁵ Надо читать «в V главе». – *Ред.*

Глава XI. Марши (Продолжение)

Относительно размера перехода и потребного для этого времени естественно придерживаться общих норм, которые дает нам опыт.

Для наших современных армий уже давно установлено, что результатом усилий одного дня является обычно переход в 3 мили. При продолжительном переходе приходится его в среднем сократить до 2 миль, для того чтобы включить дневки, предназначенные на приведение в порядок всяких неисправностей.

Для дивизии в 8000 человек такой переход на ровной местности и по средним дорогам длится от 8 до 10 часов, на местности гористой – от 10 до 12 часов. Если в одну колонну соединено несколько дивизий, то переход длится двумя-тремя часами дольше, если даже не считать того времени, на которое задерживается выступление последующих дивизий.

Из этого мы видим, что при таких переходах день уже достаточно занят и что напряжение сил солдата, обремененного своей ношей в течение 10–12 часов, нельзя сравнить с обычным путешествием пешком в 3 мили, которое одиночный путник может выполнить по сносной дороге в течение 5 часов.

Отдельные форсированные переходы не должны превышать 5, самое большее 6 миль, а при повторности таких переходов – 4 мили.

Переход в 5 миль требует уже привала в несколько часов, и дивизия в 8000 человек даже на хорошей дороге выполнит его не менее, чем в 16 часов. Если переход достигает 6 миль и в нем участвует несколько дивизий, то на него надо положить по меньшей мере 20 часов.

Здесь имеется в виду переход из одного лагеря в другой, совершаемый несколькими дивизиями, соединенными вместе, ибо это является обычной формой, встречающейся на театре войны. Если движется несколько дивизий в одной колонне, то сбор и выступление головных дивизий должны производиться несколько раньше, зато они и на ночлег прибудут скорее. Однако эта разница никогда не будет равняться полностью всему времени, которое дивизии нужно для вытягивания в колонну и какое ей нужно для того, что французы так метко называют *de'coulement*³⁶. Следовательно, этим лишь немного сберегаются силы солдат, а каждый переход значительно удлиняется в смысле срока при увеличении количества участвующих в ней войск. Лишь в редких случаях бывает возможно для дивизии производить подобным образом сбор и выступление побригадно в разное время, поэтому мы и приняли дивизию за единицу³⁷.

Хотя при продолжительных движениях войск вдали от противника, когда войска переходят из одного места расквартирования в другое небольшими эшелонами, без сборных пунктов, переходы сами по себе могут быть и длиннее, но путь уже и без того удлиняется теми крупными отклонениями от дороги, какие вызываются занятием квартир.

Переходы, при совершении которых войска должны ежедневно собираться в дивизии, а то и в корпуса, и все же разводиться по квартирам, требуют больше всего времени; их можно рекомендовать лишь в богатой местности и при не слишком крупных массах войск; только при таких условиях пребывание под кровлей и облегчение довольствия окупят большую продолжительность усилий, делаемых солдатами. Прусская армия во время своего отступления в 1806 г., бесспорно, придерживалась ошибочной системы, располагая войска по продоволь-

³⁶ Истечение.

³⁷ За последние шестьдесят лет техника организации походного движения сильно шагнула вперед; момент выступления каждого полка точно исчисляется, длительность марша каждой части, если не происходит недоразумений, не зависит от состава колонны. Это обстоятельство, а также введение походных кухонь позволили несколько увеличить размер переходов по сравнению с нормами начала XIX века. – *Ред.*

ственным соображениям каждую ночь на квартирах. Продовольствие можно было с таким же успехом доставлять и на биваки, зато армии не пришлось бы при чрезмерной затрате сил употребить на преодоление каких-нибудь 50 миль целых четырнадцать дней.

Однако все эти нормы пространства и времени подвергаются значительным изменениям при движении по плохим дорогам и в гористой местности³⁸; тогда и в конкретном случае трудно с уверенностью определить время, требуемое для данного перехода; тем труднее установить какое-либо общее правило. Поэтому теория может лишь предостеречь от опасности тех ошибок, которые могут быть в этом деле. Во избежание их необходима крайняя осторожность в исчислениях, и надо всегда оставлять известный запас на непредвиденные случаи, которые могут внести замедление в движение. При этом надо принимать во внимание и погоду, и состояние войск.

Со времени упразднения палаток и введения для довольствия войск реквизиции продуктов питания на месте обоз значительно сократился; естественным следствием этого, казалось бы, должно было явиться ускорение движения армии, а следовательно, и удлинение дневных переходов. Однако это имеет место лишь при определенных условиях.

Марши на театре войны фактически от этого мало выиграли, ибо известно, что во всех случаях, когда определенная задача требовала переходов, превосходящих своими размерами обычную норму, обоз или оставляли позади, или отсылали вперед и держали его вдали от войск, пока эти марши продолжались. Таким образом, обоз и раньше не оказывал никакого влияния на движение, и если он переставал быть неотложно необходимым, то с ним уже не считались, как бы он от этого ни страдал. Поэтому в Семилетнюю войну мы наблюдали такие переходы, какие и в наши дни не могли бы быть превзойдены; для примера укажем на марш Ласси в 1760 г., когда он должен был поддержать диверсию русских на Берлин. Он прошел путь от Швейдница через Лузанию до Берлина, равный 45 милям, в 10 дней и делал, следовательно, по $4\frac{1}{2}$ мили в день, что для корпуса в 15000 человек представляло бы и в наше время нечто исключительное.

С другой стороны, как раз в измененной системе продовольствования марши современных войск получили тормозящее начало. Раз войска должны добывать себе часть продуктов сами, что часто имеет место, то это отнимает больше времени, чем простая приемка хлеба с хлебных фур. Кроме того, при более длительных походах нельзя уже располагать лагерем в одном пункте крупные массы войск; дивизии приходится, дабы легче было добывать для них все необходимое, размещать отдельно. Наконец, редко бывает, чтобы часть войск, а именно кавалерия, не располагалась по квартирам. Все это в целом вызывает значительную задержку. Поэтому мы видим, что когда Бонапарт в 1806 г. преследовал прусскую армию и стремился ее отрезать, а Блюхер в 1815 г. намеревался сделать то же самое с французской, то оба они в 10 дней едва прошли каких-нибудь 30 миль – скорость, которой даже Фридрих Великий умудрялся достигать при своих переходах из Силезии в Саксонию и обратно, несмотря на весь обоз, который он вел за собой.

И все-таки на театре войны крупные и мелкие воинские части значительно выиграли в отношении подвижности и удобоуправляемости благодаря уменьшению обозов. Во-первых, при одинаковом количестве кавалерии и орудий в армии имеется теперь меньше лошадей, благодаря чему заботы о фураже сокращаются; во-вторых, при расположении на позиции нет прежней связанности, так как уже не приходится постоянно учитывать огромный хвост тянувшихся обозов.

³⁸ Учет задержек от гористой местности вполне возможен, по крайней мере, для движения пехоты, горной артиллерии и соответственного горным дорогам образца повозок. Приблизительно надо считать по лишнему часу на подъем на каждые 200 метров, кроме того, надо учитывать растяжку колонны после подъема и столпление перед подъемом. – *Ред.*

Марши, подобные тому, который выполнил Фридрих в 1758 г. после снятия осады Ольмюца при наличии 4000 повозок, для прикрытия которых ему пришлось половину своей армии выделить в виде отдельных батальонов и взводов, в наши дни уже не удались бы даже перед лицом самого робкого неприятеля.

При длинных перемещениях армий, как, например, от Таго до Немана³⁹, облегчение армии от обозов ощущается сильнее, ибо если из-за оставшихся при войске перевозочных средств обычная норма дневных переходов и остается такою же, все же в крайних случаях от нее можно отступить с меньшими жертвами.

Вообще с сокращением обозов достигается скорее сбережение сил, чем ускорение движения.

³⁹ В 1812 г. – *Ред.*

Глава XII. Марши (Продолжение)

Теперь мы должны рассмотреть то разрушительное влияние, которое оказывают марши на вооруженные силы. Оно так велико, что мы готовы его выдвинуть как особое активное начало наряду с боями.

Единственный умеренный переход не вызовет изнашивания инструмента⁴⁰, ряд таких переходов непременно отзовется на его состоянии, а ряд тяжелых переходов, конечно, несравненно более.

На театре войны недостатки продовольствия, жилищные условия, плохие разъезжие дороги и необходимость находиться в постоянной боевой готовности служат причинами, вызывающими несоразмерное напряжение сил, вследствие которого люди, животные, перевозочные средства и обмундирование приходят в негодность.

Принято говорить, что продолжительный физический покой для войск не полезен, что он обуславливает большее количество заболеваний, чем умеренная деятельность. Конечно, заболевания могут и будут иметь место, когда солдаты бывают скучены, при тесном размещении; однако такие же неудачные ночлеги, вызывающие заболевания, встречаются и на походе. Но нельзя согласиться с тем, что недостаток воздуха и движений будет причиной таких заболеваний, ибо и то и другое легко доставить путем упражнений на свежем воздухе.

Вспомните только, какую разницу составит для расшатанного и расстроенного организма человека, заболеет ли он на открытой дороге в грязи и слякоти, под дождем, обремененный своей ношей, или же в комнате; даже из лагеря его скоро отправят в ближайшее местечко, и он не останется вовсе без врачебной помощи, тогда как на походе он остается лежать на краю дороги целыми часами без всякой помощи и затем отставшим тащится на целые мили за войсками. Какое множество легких заболеваний обращается таким путем в тяжелые болезни, сколько тяжелых болезней становятся смертельными! Ведь в пыли и под палящими лучами летнего солнца даже умеренный переход страшно разгорячает и вызывает мучительную жажду: солдат с жадностью бросается к прохладному источнику и находит в нем заболевание и смерть.

Нашими замечаниями мы отнюдь не хотим ратовать за понижение активности на войне; инструмент для того и существует, чтобы им пользоваться, и если он от такого пользования изнашивается, то это в природе вещей. Мы хотим только указать всему надлежащее место и возразить против теоретического хвастовства, будто бы внезапные налеты, молниеносные передвижения, деятельность без отдыха и срока ничего не стоят; они отождествляются с богатыейшими залежами, которые деятельность полководца оставляет неразработанными. С этими «залежами» дело обстоит точно так же, как с золотыми и серебряными рудниками; видят лишь продукт и не задаются вопросом, во что обошлась работа по его добыче.

Хотя при длительном походе вдали от неприятеля, вне пределов театра войны, условия марша бывают обычно более легкими и потери за день оказываются менее значительными, но зато заболевший самой легкой болезнью обычно надолго выбывает из строя, ибо выздоравливающие уже не могут догнать все более и более удаляющиеся войска.

В кавалерии число набивших спину и захромавших лошадей увеличивается в возрастающей прогрессии, а в обозе многое приходит в беспорядок и ломается. Поэтому после марша в 100 миль и больше армия прибывает значительно ослабевшей, особенно в отношении кавалерии и обоза.

⁴⁰ Подразумевается армия – инструмент войны. – *Ред.*

Если такие переброски окажутся необходимыми на самом театре войны, т. е. на глазах у неприятеля, то оба неблагоприятных условия сливаются воедино, и потери при больших массах войск, а также при других неблагоприятных обстоятельствах, могут достигнуть совершенно невероятных размеров.

Приведем несколько примеров, дабы придать сказанному большую определенность.

Когда Бонапарт переправился 24 июня 1812 г. через Неман, его огромный центр, с которым он затем двинулся на Москву, заключал в себе 301 000 человек; под Смоленском из них находилось в отделе 13 500 человек; следовательно, всего должно было бы остаться 287 500 человек. Между тем налицо имелось всего 182 000 человек; таким образом, потери достигали 105 500 человек⁴¹. Если мы при этом вспомним, что до этого момента произошло лишь два сколько-нибудь значительных боя: один – между Даву и Багратионом, другой – между Мюратом и Остерманом-Толстым, то потери французов в боях едва ли можно будет счесть большими, чем в 10 000 человек; следовательно, те потери, которые армия понесла больными и отставшими в течение 52 дней при передвижении на расстоянии приблизительно 70 миль, достигали 95 000 человек, т. е. $\frac{1}{3}$ всего состава.

Три недели спустя, к моменту Бородинского сражения, эти потери уже достигали 144 000 человек (включая сюда и потери в боях), а восемь дней спустя в Москве – 198 000. Вообще потери в этой армии в первый период наступления достигали ежедневно $\frac{1}{150}$, во второй период – $\frac{1}{120}$, а в третий – $\frac{1}{19}$ всего состава, бывшего к началу периода⁴².

Правда, продвижение Бонапарта со времени переправы через Неман до самой Москвы можно назвать безостановочным; однако не следует забывать, что оно длилось 82 дня, в течение которых были пройдены лишь какие-нибудь 120 миль, и что дважды французская армия формально останавливалась на месте: сначала в Вильно приблизительно на 14 дней, затем в Витебске приблизительно на 11 дней, и что в эти периоды многие отставшие имели время присоединиться к войскам. В течение этого четырнадцатинедельного похода ни время года, ни дороги не могли быть названы плохими, ибо еще было лето, а дороги, по которым шли, были по преимуществу песчаными. Но огромная масса войск, сосредоточенных на одной дороге, недостаток продовольствия и противник, находившийся в отступлении, но отнюдь не бежавший, создавали отягощавшие поход условия.

Мы не будем говорить об отступлении французской армии от Москвы до Немана, но все же мы должны отметить, что преследовавшая ее русская армия, выступавшая из-под Калуги в числе 120 000 человек, прибыла в Вильно в составе 30 000 человек. Всякому известно, как мало она понесла за это время потерь в боях.

Еще один пример из кампании, протекавшей на небольшом пространстве, но отличавшейся многочисленными передвижениями взад и вперед, а именно – из действий Блюхера в Силезии и Саксонии в 1813 г. Принадлежавший к этой армии корпус Йорка начал поход 16 августа в составе 40 000 человек, а прибыл под Лейпциг 19 октября с 12 000. Главные бои, которые этот корпус выдержал под Гольдбергом, Лёвенбергом, в сражении на Кацбахе, у Вартенбурга и в сражении у Мёкерна (Лейпциг), обошлись ему, по данным самых авторитетных писателей, в 12 000 человек, между тем остальные потери за восемь недель достигли 16 000 человек, т. е. $\frac{2}{5}$ всего состава⁴³.

⁴¹ Все эти цифры заимствованы у Шамбрэ. Сравни «Посмертные сочинения» автора, т. VII, 2-е изд., с. 80 и след. (Прим. нем. издания.)

⁴² В третий период входят потери французов под Бородином; кроме того, французская армия явно нуждалась в остановке для отдыха, но Наполеон стремился сначала достигнуть Москвы; при этом марш происходил в условиях наибольшего сосредоточения. – *Ред.*

⁴³ Большие потери корпуса Йорка объясняются молодым и несклоченным составом, а также плохим снабжением и обмундированием корпуса: не все солдаты в осеннюю кампанию были снабжены шинелями и суконной одеждой. – *Ред.*

Таким образом, надо быть готовым к большому разрушению своих сил, если имеется в виду ведение очень подвижной войны; это надо учитывать в плане действий и прежде всего позаботиться о пополнениях.

Глава XIII. Размещение по квартирам

В новейшей истории военного искусства размещение по квартирам стало вновь необходимым, ибо отпали и палатки, и законченная система обозов, которые давали армии независимость. Лагерь из землянок и биваки под открытым небом, как их широко ни практиковать, все же не могут составлять неизменного способа размещения войск без того, чтобы рано или поздно, в зависимости от климатических условий, войска не подвергались заболеваниям и не истощали преждевременно свои силы. Поход в Россию в 1812 г. представляет собою один из немногих, в котором при крайне суровом климате войска в течение всех шести месяцев его длительности почти вовсе не занимали квартир. Но что же получилось в результате такого напряжения сил, которое можно было бы назвать экстравагантным, если бы эта квалификация еще в большей мере не отвечала политической идее этого предприятия!

Два обстоятельства могут препятствовать расквартированию войск: близость неприятеля и быстрота передвижений. По этой причине квартиры обычно немедленно покидают, как только приближаются решительные действия, и не занимают их, пока это решение не завершится.

В новейших войнах, т. е. во всех тех походах, которые протекали перед нашими глазами за последние двадцать пять лет, стихия войны действовала со всей присущей ей энергией. В этих войнах в отношении активности и напряжения сил по большей части были проявлены все возможности; но все эти походы были непродолжительны, редко длились они полгода, чаще же было достаточно затратить всего несколько месяцев, чтобы добиться намеченной цели, т. е. положения, когда побежденный бывал вынужден заключить перемирие или даже мир, или же наступал момент, когда победный импульс победителя истощался в борьбе. В эти периоды крайнего напряжения не могло быть и речи о расквартировании войск, ибо даже во время победного натиска при преследовании, когда уже никакая опасность не грозила победителю, быстрота передвижения все же не допускала этого облегчения.

Но когда по той или другой причине ход событий бывает менее порывист и происходит преимущественно уравновешенное колебание и взвешивание сил, размещение войск под крышей, в удобных жилищах должно составлять главный предмет заботливого внимания. Эта потребность оказывает даже некоторое влияние на ведение войны: во-первых, чтобы выиграть время и обеспечить безопасность, выставляют более сильную систему сторожевого охранения и более значительный и далее выдвинутый вперед авангард и, во-вторых, обращают преимущественное внимание на богатство и культурность местности, а не на представляемые ею тактические выгоды и геометрические соотношения линий и точек. Торговый город в 20000-30000 жителей или большая дорога, вдоль которой почти непрерывно тянется ряд значительных селений и цветущих местечек, предоставляют такие удобства для сосредоточенного размещения больших масс, а это сосредоточение открывает такую возможность ими управлять и такой простор для действий, что эти преимущества с лихвою возмещают тактические выгоды, которые мог бы предоставить другой район.

Нам придется сделать лишь немногие замечания относительно порядка расквартирования, ибо этот предмет своей большей частью относится к тактике.

Размещение войск по квартирам бывает двух родов, в зависимости от того, является ли оно главной задачей или второстепенной. Если группировка войск в течение кампании подчиняется исключительно тактическим и стратегическим соображениям и если для облегчения войск отведены квартиры, оказавшиеся по соседству с пунктом их назначения, что чаще всего имеет место по отношению к кавалерии, то тем самым квартиры оказываются делом второстепенным; они замещают лагерь и, следовательно, должны находиться на такой площади, чтобы войска имели возможность вовремя принять свою оперативную группировку. Если же вой-

ска расквартировываются на отдых для восстановления своих сил, то размещение по квартирам является главной задачей, а остальные мероприятия, следовательно, и специальный выбор пунктов сосредоточения, должны лишь с ним сообразоваться.

Первый вопрос, который приходится рассматривать, касается формы всего района расквартирования. Обычно она представляет собою очень продолговатый прямоугольник, образуя как бы простое расширение тактического боевого порядка. Впереди его будет находиться сборный пункт, а штаб главного командования позади. Эти три условия в значительной мере препятствуют успешному сбору всех частей до прибытия неприятеля, более того – почти противоречат ему.

Чем больше район расквартирования приближается по своему очертанию к квадрату или даже к кругу, тем легче можно собрать войска к определенному пункту, а именно – к центру. Чем далее назад отнесен сборный пункт, тем позднее достигнет его неприятель и тем больше, следовательно, останется у нас времени для сбора. Сборный пункт, расположенный позади района расквартирования, никогда не может подвергнуться опасности⁴⁴. Наоборот, чем дальше вперед вынесена главная квартира, тем раньше до нее доходят донесения и тем лучше бывает обо всем осведомлен командующий. Однако указанные выше условия не лишены оснований, с которыми в большей или меньшей мере придется считаться.

Растягивая районы расквартирования вширь, имеют в виду лучшее прикрытие страны, которую в противном случае неприятель мог бы обложить реквизициями. Однако это основание не слишком важно и не вполне соответствует истине. Оно правильно лишь тогда, когда речь идет о крайних флангах, и неверно по отношению к промежутку между двумя частями армии, районы размещения которых группируются вокруг их сборных пунктов, ибо в такой промежуток не решится вторгнуться ни один неприятельский отряд. Оно и не слишком важно потому, что существуют более простые средства защитить ближайшие к нам районы от неприятельских реквизиций, не прибегая к разброске своей армии.

Выдвигая вперед сборный пункт, преследуют цель прикрыть район расквартирования от атаки противника. Это связано со следующими соображениями. Во-первых, спешно становящаяся под ружье часть всегда оставляет после себя на квартирах целый хвост отставших, больных, повозок, запасов и пр., которые легко попали бы в руки неприятеля, если бы сборный пункт располагался позади них. Во-вторых, надо иметь в виду, что неприятель, рассеяв авангард или обойдя его крупными кавалерийскими частями, может напасть на отдельные полки и батальоны. Построенный к бою отряд, на который наткнется кавалерия противника, как бы слаб он ни был и хотя бы он был под конец разбит, все же задержит ее продвижение, и, таким образом, время будет выиграно.

Что касается расположения главной квартиры, то в этом отношении господствовало мнение, что нет таких мер, которые достаточно обеспечили бы ее безопасность.

Руководствуясь этими различными соображениями, мы полагаем, что наилучшее устройство квартирному району заключается в том, чтобы он представлял собой род прямоугольника, приближающегося к квадрату или кругу, со сборным пунктом в центре и – при сколько-нибудь значительных силах – с главной квартирой, расположенной в передних рядах.

То, что было сказано по поводу прикрытия флангов построения войск вообще, применимо и в данном случае; поэтому отдельные отряды справа и слева должны иметь свои отдельные сборные пункты на одном уровне с главными силами, хотя бы и имелось в виду вступить в бой совместно.

Впрочем, если мы примем во внимание, что, с одной стороны, свойства местности каким-нибудь природным рубежом намечают естественный сборный пункт, а с другой – что они сво-

⁴⁴ Однако сосредоточение войск с отходом назад представляется в тактическом отношении весьма угрожаемым, так как легко может перейти в бегство, и потому всегда избегалось ответственными начальниками. – *Ред.*

ими селениями и городами определяют расположение квартир, то мы убедимся, как редко геометрическая фигура играет в этом деле решающую роль; все же указать на нее мы считаем необходимым потому, что она, как всякий общий закон, то с большей, то с меньшей властью проявляется в общей совокупности отдельных случаев.

Далее, относительно выгод, предоставляемых данной местностью для расквартирования, нам надлежит указать еще на желательность наличия прикрывающего местного рубежа, с тем чтобы избрать квартирный район позади него, а на стороне рубежа, обращенной к неприятелю, установить наблюдение при помощи большого числа мелких отрядов. Также выгодно расквартирование войск позади крепостей; численность гарнизона последних при подобных обстоятельствах не может быть установлена, и они внушают неприятелю гораздо больше уважения и осмотрительности.

Относительно укрепленных зимних квартир мы намерены поговорить особо в отдельной главе⁴⁵.

Расквартирование войск, стоящих на месте, отличается от расквартирования их на походе тем, что последнее, во избежание излишних концов, не распространяется вширь, а тянется вдоль основного пути, что безусловно благоприятствует быстроте сбора, раз только такое расквартирование не растягивается больше, чем на длину небольшого перехода.

Во всех тех случаях, когда мы, говоря техническим языком, находимся перед неприятелем, т. е. во всех тех случаях, когда оба авангарда отделены лишь незначительным пространством, протяжение района расквартирования и время, требуемое войсками для сбора, определяют силы и расположение авангарда и сторожевого охранения; в тех же случаях, когда силы и расположение их обусловлены положением неприятеля и обстоятельствами, то наоборот, ширина расквартирования будет зависеть от времени, обеспеченного нам сопротивлением передовых частей.

Как мы должны мыслить такое сопротивление, оказываемое выдвинутыми вперед отрядами, мы уже говорили в III⁴⁶ главе этой части. Из срока сопротивления передовых частей надо исключить время на передачу ориентировки и на распоряжения по подъему войск, и лишь то, что остается после такого вычета, составит время, могущее быть употребленным на движения по сосредоточению.

Чтобы и здесь, в конце изложения, зафиксировать наши представления о том, как все это складывается при нормальных условиях, мы должны заметить, что если бы радиус квартирного района равнялся расстоянию района от авангарда, а сборный пункт был приблизительно в центре района, то выигранное задержкой неприятельского наступления время оставалось бы для передачи донесений и приказов; это оказалось бы вполне достаточным в большинстве случаев, даже если осведомление о неприятельском наступлении производится не при помощи световой сигнализации, сигнальных выстрелов и пр., а просто по летучей почте, представляющей единственный вполне надежный способ связи⁴⁷.

Таким образом, при авангарде, выдвинутом вперед на расстояние 3 миль, можно было бы занять под квартиры пространство приблизительно в 30 квадратных миль. В местности со средней густотой населения на таком пространстве можно найти приблизительно около 10000 дворов⁴⁸, что для армии в 50000 человек, за вычетом авангарда, составит в среднем по четыре человека на двор. Такое квартирное расположение представляло бы большие удобства; при вдвое сильнейшей армии приходилось бы девять человек на двор, следовательно, все же квартиры оказались бы не слишком тесными. Когда же не представляется возможным выдвинуть

⁴⁵ Такая глава осталась ненаписанной. — *Ред.*

⁴⁶ Надо читать: «в VIII». — *Ред.*

⁴⁷ В эпоху Клаузевица технические средства связи (оптический телеграф) находились еще в младенческом состоянии. — *Ред.*

⁴⁸ Клаузевиц исходит из расчета 7 дворов на 1 квадратный километр. — *Ред.*

авангард далее одной мили, мы имели бы площадь квартирного района всего в 4 квадратных мили, ибо хотя выигрыш времени уменьшается не вполне пропорционально уменьшению удаления авангарда от главных сил и при расстоянии в одну милю между авангардом и главными силами можно было бы рассчитывать на 6 часов, все же при такой близости неприятеля необходимо увеличить предосторожности. Конечно, на таком тесном пространстве армия в 50000 человек могла бы как-нибудь разместиться на квартирах лишь в густо населенной местности.

Мы видим, какую решающую роль играют в этом случае большие или хотя бы значительные города, дающие возможность расквартировать от 10000 до 20000 человек в одном пункте.

Отсюда, казалось бы, следует, что если неприятель не слишком близок, а мы располагаем соответственным авангардом, то можно оставаться на квартирах, имея против себя и сосредоточенные неприятельские силы, что и было допущено Фридрихом Великим в начале 1762 г. под Бреславлем, а в 1812 г. Бонапартом под Витебском. Однако, имея перед собою сосредоточенного неприятеля, хотя бы и не приходилось опасаться за безопасность сбора войск при достаточном удалении от противника и надлежащих мероприятиях, все же не надо забывать, что армия, занятая спешным сбором, в это время не может делать ничего иного и что, следовательно, в этот период она не в состоянии использовать складывающуюся обстановку, а потому лишается значительной доли своей оперативной способности. Отсюда следует, что лишь в следующих трех случаях можно полностью размещать армию на квартирах:

- 1) когда то же делает и противник;
- 2) когда этого обязательно требует состояние войск;
- 3) когда ближайшая деятельность армии ограничивается обороной укрепленной позиции и, следовательно, все дело сводится к тому, чтобы вовремя собрать на ней войска.

Замечательный случай сбора расквартированной армии мы встречаем в кампании 1815 г. Генерал Цитен с 30000 человек образовывал у Шарлеруа авангард армии Блюхера, которую предполагалось сосредоточить у Сомбрефа, всего в 2 милях позади. Самые же отдаленные от Сомбрефа квартиры находились на расстоянии 8 миль, а именно – с одной стороны за Синей, а с другой – по направлению к Льежу. Тем не менее войска, квартировавшие за Синей, уже собрались к Линьи за несколько часов до начала там сражения, а размещенные по направлению Льежа войска (корпус Бюлова) тоже оказались бы на месте, если бы не случайность и не ошибочная организация службы связи.

Бесспорно, о безопасности прусской армии позаботились недостаточно; впрочем, в оправдание надо сказать, что указанное расположение было занято тогда, когда французская армия сама стояла на еще более широко раскинутых квартирах. Таким образом, ошибка сводилась лишь к тому, что эти мероприятия не были изменены тотчас же по получении первого донесения о передвижениях французских войск и о прибытии к ним Бонапарта.

Все же заслуживает внимания то соображение, что прусская армия могла бы сосредоточиться под Сомбрефом еще до атаки неприятеля. Правда, Блюхер получил известие о наступлении неприятеля 14-го ночью, т. е. за двенадцать часов до того, как генерал Цитен подвергся действительному нападению, и тогда же было приступлено к сбору войск; но уже 15-го утром, в 9 часов⁴⁹, генерал Цитен был в самом жарком огне, и лишь в этот момент генерал Тильман⁵⁰ получил в Синей приказ выступить в Намюр. Таким образом, ему пришлось сначала собрать свой корпус по дивизиям, а затем пройти 6 ¹/₄ миль до Сомбрефа; на все это потребовалось 24 часа. К тому же времени мог прибыть и генерал Бюлов, если бы приказ о выступлении дошел до него своевременно.

Бонапарту же удалось начать свое нападение на Линь лишь в 2 часа пополудни 16-го. Опасение иметь Веллингтона с одной стороны, а Блюхера – с другой, – другими словами, несо-

⁴⁹ Фактически только в 13 часов. – *Ред.*

⁵⁰ Клаузевиц в эту кампанию являлся начальником штаба корпуса Тильмана. – *Ред.*

ответствие сил, – во многом объясняет эту медлительность; отсюда мы видим, насколько даже самый решительный полководец задерживается осторожным нащупыванием, которое всегда неизбежно при сколько-нибудь сложной обстановке.

Часть приведенных здесь соображений, очевидно, имеет скорее тактический, чем стратегический характер, но мы предпочли несколько выйти из пределов нашего предмета, чем рисковать высказаться недостаточно ясно.

Глава XIV. Довольствие войск

Довольствие войск приобрело в современной войне гораздо большее значение, чем оно имело раньше, по двум причинам. Прежде всего потому, что современные армии в общем гораздо больше, чем средневековые и даже чем они были в древности. Если и раньше время от времени бывали армии, равные по своей численности современным, а порою даже значительно их превосходившие, то это случалось лишь как редкое и преходящее явление⁵¹. В новейшей же военной истории, со времен Людовика XIV, армии всегда были чрезвычайно многочисленны. Вторая причина гораздо важнее и более специфически присуща новейшему времени. Она заключается в большей внутренней связи современных войн, в требовании постоянной боевой готовности, предъявляемом к ведущим их вооруженным силам. Большинство прежних войн состояло из отдельных, не связанных между собою предприятий, которые разделялись периодами затишья, в течение которых война фактически или совершенно прекращалась, или по крайней мере вооруженные силы настолько далеко расходились друг от друга, что каждая из двух воюющих армий могла заниматься удовлетворением своих потребностей, не считаясь со своим противником.

Войны новейшего времени, т. е. войны после Вестфальского мира⁵², стараниями правительств приобрели более правильную связную форму; цели войны повсюду господствуют, и в вопросах довольствия войск они обуславливают такую организацию, которая могла бы всегда удовлетворить их требованиям. Правда, в войнах XVII и XVIII веков точно так же наблюдались длительные промежутки бездействия, которые весьма приближались к полной приостановке хода войны, — разумею регулярное занятие зимних квартир войсками. Однако и занятие зимних квартир подчинялось требованиям цели войны; к этому побуждало суровое время года, а не вопросы довольствия войск, и так как с наступлением лета они регулярно покидались, то по крайней мере в теплый период года требовалась непрерывность военных действий.

И здесь, как и во всех остальных случаях, переход от одного состояния к другому и от одного способа действия к новому происходил постепенно. В войнах против Людовика XIV союзники обычно отправляли свои войска на зимние квартиры в отдаленные провинции, дабы их легче было довольствовать; во время Силезских войн подобное явление уже не наблюдалось.

Это правильное и связное оформление военных действий стало возможным для государств главным образом после того, как на место феодальных ополчений явились наемные войска. Ленные обязанности выродились в денежный налог, а личная служба или совершенно отпала с заменой ее вербовкой, или же сохранилась лишь по отношению к самым низшим классам населения, причем дворянство (как это еще теперь практикуется в России и Венгрии) смотрело на поставку рекрутов как на своего рода подать, уплачиваемую людьми. Во всяком случае армии, как мы на это уже указывали в другом месте, обратились в непосредственное орудие кабинетов, и главным базисом их явилась казна или денежные доходы правительства.

То самое, что произошло с устройством и постоянным пополнением вооруженных сил, должно было случиться и с их довольствием. Раз сословия были освобождены от первого с заменой денежной повинностью, то и последнее нельзя было на них возложить упрощенным приемом. Правительство, казна должны были взять на себя заботы по довольствию армии и не могли уже предоставить ей жить в пределах своей страны за счет последней. Таким образом, правительство было вынуждено смотреть на довольствие войск как на дело, всецело лежащее на его плечах. При этом довольствие войск стало труднее по двум причинам: во-первых, оно

⁵¹ Современные исторические труды отрицают возможность сбора в древние и средние века тех огромных армий, о которых гласят явно преувеличенные данные первоисточников. — *Ред.*

⁵² Т. е. после 1648 г., когда закончилась Тридцатилетняя война. — *Ред.*

стало делом исключительно правительства, а во-вторых, вооруженные силы должны были все время оставаться на виду у неприятеля.

Пришлось не только создать особую военную касту (Kriegsvolk), но и особую организацию довольствия и развить ее по мере возможности.

Запасы продовольствия заготавливались частью путем закупок, частью путем поставок из государственных доменов и не только доставлялись из отдельных провинций и накапливались в магазинах, но и перевозились из этих магазинов к войскам при помощи специально организованных обозов; поблизости от войск хлеб выпекался в собственных пекарнях, откуда уже сами войска забирали его при помощи других обозов, которые под конец были приданы самим войскам. Мы обратили внимание на эту систему⁵³ не только потому, что она объясняет своеобразный характер войн, в которых она действовала, но и потому, что она никогда не может окончательно исчезнуть и ее существенные частности всегда будут вновь встречаться.

Таким образом, военная организация имела тенденцию постепенно становиться все более и более независимой от народа и страны. Следствием этого было то, что война сделалась более правильной, связной и более выдержанной по отношению к цели войны, т. е. политической цели, но в то же самое время она стала гораздо более ограниченной в своих движениях, более связанной, а энергия ее значительно ослабела. Теперь армия была прикована к своим магазинам; круг ее действий был ограничен организацией обозов. Вполне естественно, что все приняло ориентировку на возможную бережливость в деле содержания армии. Солдат, довольствуемый скудным куском хлеба, порою шатался, как тень, от истощения, и среди переносимых им лишений его не утешала никакая надежда на улучшение своего положения.

Тот, кто не учитывает столь скудного содержания солдата, а имеет в виду лишь то, чего достиг Фридрих Великий с бойцами, которые так питались, смотрит на дело предвзято. Способность переносить лишения составляет одну из прекраснейших добродетелей солдата, без нее не бывает армии с истинно воинственным духом; но такие лишения должны быть проходящими, обусловленными силой внешних обстоятельств, а не являющимися следствием бедствия, возведенного в систему, или результатом скаредного отвлеченного подсчета минимальной потребности. В последнем случае лишения всегда будут вести к физическому и моральному ослаблению человека. То, что Фридриху Великому удалось выполнить со своей армией, не может служить для нас масштабом, ибо отчасти и противники его держались той же системы, а отчасти мы не знаем, что бы он предпринял, если бы имел возможность предоставить своей армии те условия жизни, какие Бонапарт предоставлял своим солдатам всякий раз, как только обстоятельства ему это позволяли.

Но на содержание лошадей никогда не решались распространить эту искусственную систему продовольствования, ибо фураж, вследствие его объема, труднее перевозить. Одна фуражная дача весит приблизительно в десять раз больше, чем один паек, а число лошадей в армии составляет не $\frac{1}{10}$ числа людей, а больше: в современных армиях — от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$, раньше — даже от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$. Таким образом, вес всех рационов для конского состава превышал бы вес всех солдатских пайков в три, четыре или даже пять раз; поэтому удовлетворить эту потребность старались самым непосредственным образом, а именно — путем фуражировок. Такие фуражировки представляли собою новый вид значительного стеснения, налагаемого на ведение войны. Во-первых, применение фуражировок выдвигало одним из важнейших условий требование, чтобы война велась на неприятельской территории, а во-вторых, фуражировки не позволяли долгое время оставаться на одном и том же месте. Впрочем, уже ко времени Силезских войн фуражировки в значительной мере сократились в своем объеме; явилось убеждение, что они

⁵³ Так называемая пятипереходная система: государственный обоз (мучной транспорт) доставлял муку к хлебопекарням на три перехода от магазинов, а армейский обоз (хлебный транспорт) доставлял хлеб от пекарен еще на два перехода к армии. — *Ред.*

вызывают гораздо большее опустошение и тяготу для страны, чем удовлетворение потребностей посредством поставок и реквизиций.

Когда французская революция заставила вновь двинуть на театр войны народные массы, то средства правительства оказались недостаточными, а вся военная система, исходившая из ограниченности этих средств и в этой же ограниченности находившая свое обеспечение, оказалась разгромленной; с разгромом же целого пала и та его часть, о которой мы сейчас говорим, а именно – система довольствия войск. Не очень заботясь о магазинах и еще менее думая об организации того искусного часового механизма, который приводил в движение, словно систему колесиков, отдельные части системы обозов, вожди революции высылали своих солдат на войну, гнали в бой своих генералов, питали, подкрепляли, оживляли и возбуждали всех при помощи реквизиций, грабежей и хищения всего того, в чем они нуждались⁵⁴.

Войны, которые вел Бонапарт и которые велись против него, заняли среднее место между этими двумя крайностями, т. е. он пользовался из всех средств теми, которые ему казались наиболее подходящими.

При новейшей системе довольствия войск, заключающейся в том, чтобы пользоваться, не считаясь с правом собственности, всем тем, что может дать известная местность, возможны четыре различных пути, а именно: довольствие от квартирохозяина, сбор припасов непосредственно войсками, общая реквизиция и магазины. Все четыре способа обычно применяются одновременно, причем один из них является господствующим, но бывают случаи, когда применяют лишь один из них.

1. Довольствие от квартирохозяина или общины, что одно и то же

Если принять во внимание, что во всякой общине, – даже в больших городах, где она состоит исключительно из потребителей, – все же имеется всегда запас продовольствия на несколько дней, то станет ясно, что даже самый населенный город окажется в состоянии в течение одного дня прокормить расквартированные в нем войска, численностью равняющиеся количеству жителей, а когда число квартирующих войск значительно меньше населения, то и в течение нескольких дней, – для этого не требуется каких-либо особых предварительных мероприятий. В более или менее крупных городах это дает весьма удовлетворительный результат, ибо таким путем можно прокормить значительную массу войск, сосредоточенную в одном пункте. В небольших же городах и деревнях результат оказался бы недостаточным, ибо население в 3 000–4 000 человек на пространстве 1 квадратной мили, что представляет уже значительную плотность, обеспечило бы продовольствием всего лишь 3000–4000 солдат, при значительных массах войск это потребовало бы такой широкой разброски их, которая едва ли оказалась бы приемлемой в других отношениях. Однако на равнинах и даже в небольших городах наличное количество нужных на войне продовольственных средств значительно больше; запас хлеба у крестьянина, считая в среднем, обычно бывает достаточным для прокормления его семьи в течение одной-двух недель; мясо можно добыть в любой день, запас овощей обычно рассчитан до следующего урожая. Поэтому не представляет особых трудностей прокормить в течение нескольких дней войска, превышающие втрое или вчетверо население, если в этой местности войска еще не квартировали, – а это опять-таки является вполне удовлетворительным. При таких условиях колонна в 30000 человек потребовала бы для своего расквартирования пространства до 4 квадратных миль в местности с плотностью населения в 2000–3000

⁵⁴ В данной характеристике французской революции сказалось отношение к ней Клаузевица как убежденного монархиста. – *Ред.*

человек на 1 квадратную милю⁵⁵, если при этом нельзя использовать для постоя значительного города; это заставило бы растянуть расквартирование в ширину на 2 мили. Таким образом, армия в 90000 человек, в которой насчитывается около 75000 бойцов, если она будет двигаться при наличии трех дорог тремя параллельными колоннами, должна будет занять пространство по фронту всего лишь в 6 миль.

Если эти квартиры будут заниматься последовательно следующими позади колоннами, то местным властям придется принимать особые меры, что, впрочем, не вызовет осложнений, если речь будет идти о довольствии в течение одного-двух лишних дней. Таким образом, если бы за этими 90000 человек в течение одного дня проследовало бы еще столько же, то и этим последним еще не пришлось бы терпеть недостатка в продовольствии, а при этом составляется уже внушительная масса в 150000 бойцов.

Еще меньше затруднений представляет корм для лошадей, ибо он не требует ни помола, ни выпечки, а так как для местных лошадей запас фуража всегда имеется налицо до следующего урожая, то даже там, где кормление скота в стойлах мало распространено, трудно ожидать большого недостатка корма; однако поставку фуража придется уже требовать не от хозяина квартиры, а от общины. Но конечно, при организации марша следует принимать во внимание свойства местности и не назначать для расквартирования кавалерии торговых и фабричных местечек и не направлять кавалерию в такие местности, где ощущается недостаток в фураже.

Таким образом, общий вывод из этого беглого обзора сводится к тому, что в местности со средней плотностью населения, а именно при 2000–3000 жителей на 1 квадратную милю, армия в 150000 бойцов может найти пропитание в течение одного-двух дней у квартирохозяев и общин, несмотря на весьма ограниченную разброску сил, не исключающую возможности совместных боевых действий; следовательно, такую армию можно содержать в течение непрерывного похода без магазинов и какой-либо иной подготовки.

На этот вывод опирались все предприятия французских армий в течение революционных войн и при Бонапарте. Они продвинулись от Эча до Нижнего Дуная и от Рейна до Вислы почти без каких-либо иных способов продовольствования, кроме содержания за счет квартирохозяев. Так как все их предприятия, опираясь на физическое и моральное превосходство, сопровождались несомненным успехом и, во всяком случае, не замедлялись нерешительностью и осмотрительностью, то продвижение по их победному пути представляло собою в большинстве случаев ряд непрерывных переходов.

Если обстоятельства менее благоприятны, если местность не так плотно населена или если население состоит больше из ремесленников, чем из крестьян, если почва неплодородна, а местность подвергалась несколько раз нашествиям, то, естественно, результаты будут менее благоприятны. Но стоит вспомнить, что если увеличить поперечник района, занимаемого войсками, с 2 миль до 3, то сразу получается более чем двойная площадь, т. е. 9 квадратных миль вместо 4; при этой разброске в большинстве случаев совместные боевые действия остаются еще вполне возможными; отсюда ясно, что даже при неблагоприятных условиях, но при обязательном непрерывном движении вперед описываемый способ довольствия армии остается возможным.

Но как только явится остановка на несколько дней, тотчас должна наступить крайняя нужда, если не принять других мер. Существуют два таких мероприятия, без которых более или менее значительная армия и теперь обойтись не может. Первое – это придача войскам обоза, при помощи которого везется запас хлеба и муки, как самой необходимой части довольствия, на несколько – три-четыре – дней; если к этому присоединить еще трех-четырехдневный запас продовольствия, который солдат несет на себе, то получается запас хотя и скудного питания на восемь дней. Второе – это организация хорошего интендантства, которое при оста-

⁵⁵ 40–60 человек на квадратный километр. – *Ред.*

новке в любой момент подвезет из дальних мест продукты, так что можно будет легко перейти в нужную минуту от системы квартирного довольствия к другой системе.

Довольствие от квартирохозяев имеет то огромное преимущество, что оно не требует никаких перевозочных средств и добывается в кратчайший срок; но оно строится на предположении, что, как правило, все войска размещаются по квартирам.

2. Довольствие путем войсковых реквизиций

Когда отдельный батальон располагается лагерем вблизи нескольких деревень, то он может возложить на последние поставку ему продовольственных припасов; в таком случае между этим способом довольствия и предшествующим не было бы существенного различия. Но если, как это обыкновенно бывает, масса войск, располагающаяся на ночлег в одном каком-либо пункте, значительно больше, то для более крупной единицы, как, например, бригады или дивизии, не останется ничего иного, как реквизировать сообща все необходимое в определенном районе, а затем полученные таким образом продукты поделить.

Уже с первого взгляда видно, что таким способом добыть довольствие для значительной армии невозможно. Количество продовольствия, добытое этим приемом в известном районе, будет гораздо меньше по сравнению с тем, которое могут добыть войска при расквартировании от своих хозяев. Когда 30 или 40 солдат войдут в дом крестьянина, они сумеют в случае нужды вытащить у него и последнее; но офицер, которого отправили с несколькими солдатами раздобыть продовольствие, не имеет ни времени, ни средств доискаться всех запасов, часто не хватит и перевозочных средств; поэтому удастся раздобыть лишь малую долю имеющегося в наличности. С другой стороны, массы войск, сосредоточиваемые в одном лагере, обычно так велики, что районы, из которых можно было бы достаточно скоро доставить необходимые продукты окажутся слишком малы для удовлетворения всей потребности. Что может получиться, когда 30000 человек на милю в окружности, т. е. на площади в 3—4 квадратных мили, реквизируют продукты продовольствия. Да и это редко им удастся, ибо большинство ближайших деревень окажутся обложенными отдельными воинскими частями, и последние ничем не захотят поделиться. Наконец, при этой системе наблюдается наибольшая расточительность, ибо отдельные части берут сверх меры, много пропадает зря и пр.

Следовательно, конечный вывод заключается в том, что довольствие войсковой реквизицией может применяться с успехом лишь не слишком крупными частями, например, до дивизии в 8000-10000 человек, и что даже в этом случае к ней приходится прибегать как к неизбежному злу.

Обычно эта мера оказывается неизбежной при наступательном марше для всех тех частей, которые стоят непосредственно перед неприятелем, как, например, для авангарда, сторожевого охранения. Они доходят до таких пунктов, где никаких мер заранее не могло быть принято, а сами обычно слишком удаляются от запасов, собранных для остальных частей армии. Далее, эту меру будут применять партизанские отряды, предоставленные самим себе; наконец, к ней будут обращаться во всех тех случаях, когда не имеется ни времени, ни средств для применения других способов получения продовольствия.

Чем войска более приспособились к производству правильной реквизиции и чем больше позволяют время и обстоятельства перейти к этому способу снабжения, тем лучше будут результаты. Но в большинстве случаев на это не хватает времени, ибо то, что войска непосредственно сами добудут для себя, доходит до них гораздо скорее.

3. Довольствие при помощи правильной реквизиции

Это есть бесспорно самое простое и действительное средство снабжения продовольствием, лежащее в основе всех современных войн. От предшествующего способа эта мера отличается главным образом привлечением к реквизиции местных властей. Запасы в этом случае уже не отнимаются насильственным способом, где бы они ни находились, но получаются путем разумной разверстки. Такая разверстка может быть выполнена лишь местными властями.

Здесь все дело во времени. Чем больше имеется времени, тем полнее будет разверстка, тем она явится менее обременительной, тем правильнее будет поступление. Можно даже прибегнуть отчасти к закупкам на наличные деньги, что приблизит способ довольствия к магазинному. При сосредоточении вооруженных сил в собственной стране, а также при отступлении применение этого способа не представляет никаких затруднений. Напротив, при всяком передвижении в районе, коим мы еще не овладели, имеется очень мало времени, чтобы создать соответствующую организацию, — обычно лишь тот единственный день, на который авангард опережает армию. От авангарда и исходит обыкновенно предложение местным властям, с указанием количества пайков и рационов, какое они должны заготовить в том или другом пункте.

Так как продовольствие и фураж могут быть доставлены лишь из ближайшего района, т. е. из округа, удаленного не более 2–3 миль от намеченного пункта, то при значительной армии эти наспех организованные ссыпки оказались бы далеко не достаточными, если бы войска не везли с собой продовольствия на несколько дней. Отсюда дело интендантства распорядиться добытыми таким способом продуктами, раздавая их лишь тем воинским частям, которые сами ничего не имеют. Но с каждым последующим днем затруднения будут уменьшаться, так как с увеличением числа дней и тех расстояний, на которых могут быть добываемы жизненные припасы, увеличивается в квадрате площадь реквизиции, а следовательно, и сумма продуктов. Если в первый день продукты могли доставляться лишь с площади в 4 квадратных мили, то на следующий день могут эксплуатироваться 16 квадратных миль, на третий — 36; таким образом, на второй день площадь реквизиции будет на 12 миль больше, чем в первый день, на третий — на 20 миль больше, чем на второй.

Само собою разумеется, что мы указываем лишь на общую тенденцию, ибо могут иметь место многие обстоятельства, ограничивающие данную прогрессию; важнейшее из них сводится к тому, что районы, уже пройденные войсками, не могут участвовать в поставках в той же мере, как другие. Но, с другой стороны, надо иметь в виду и то, что радиус поставок может увеличиваться с каждым днем не только на 2 мили, а пожалуй, и на 3–4, а в некоторых местах и более.

Чтобы такие принудительные поставки действительно поступали хотя бы в главной своей массе, об этом позаботится исполнительная власть отдельных воинских команд, приданных чиновникам, а еще больше влияет в этом направлении страх ответственности, наказаний и жестокостей, который в таких случаях обычно гнетет население.

Впрочем, нашей задачей не является изложение здесь подробностей организации всего часового механизма интендантства и продовольственной части: мы здесь имеем в виду лишь результат, который может быть получен этим способом.

Вывод, к которому мы приходим на основе здравого смысла по рассмотрении общих условий и который подтверждается опытом войн, начиная с революции, заключается в следующем: даже самая многочисленная армия, если она везет с собой запас продовольствия на несколько дней, несомненно может содержаться реквизиционным способом сбора продуктов, устанавливаемым с момента вступления армии в данную местность и захватывающим сначала лишь ближайшие районы, а затем постепенно распространяющимся на все более и более широ-

кие пространства, причем в организации реквизиции будут принимать участие все более и более высокие административные инстанции.

Это средство не имеет никаких иных границ, кроме истощения, обнищания и разорения страны. Но при более продолжительном пребывании организация поставок постепенно восходит до высших учреждений страны, а эти последние, естественно, сделают все для того, чтобы распределить бремя обложения по возможности равномерно и облегчить тяжесть поставок путем закупок; да и само государство, ведущее на чужой территории войну, в том случае, когда его войска остаются во враждебной стране более продолжительное время, обычно уже не поступает грубо и беспощадно и не возлагает все бремя довольствия войск на оккупированную территорию. Таким образом, система реквизиций мало-помалу, естественно, начнет приближаться к системе магазинов, не превращаясь, однако, в последнюю окончательно и не переставая оказывать свое влияние на движения воинских частей, ибо большая разница – остается ли страна действительным органом снабжения войск, хотя средства ее и восполняются запасами, привезенными издалека, или же армия, как то было в войнах XVIII столетия, организует свое совершенно самостоятельное хозяйство, а страна, как общее правило, в этом вовсе не участвует.

Наиболее существенное различие заключается в пользовании местными перевозочными средствами и местными хлебопекарнями. Благодаря этому отпадают огромные, почти всегда губительные для своего же дела армейские транспорты.

Хотя и теперь ни одна армия не будет в силах совершенно обойтись без продовольственного обоза, но последний ныне значительно меньше и служит он до известной степени лишь для того, чтобы перебрасывать излишки одного дня на другой. Особые обстоятельства вроде тех, что имели место в России в 1812 г., могут принудить и в новейшие времена содержать огромный обоз, а также везти с собой походные хлебопекарни. Однако подобные обстоятельства представляют исключение, так как не часто случается, чтобы 300000 человек продвигались на 130 миль в глубь страны почти по одной дороге, и притом в таких странах, как Польша и Россия, да еще незадолго до снятия урожая. Но даже в подобных случаях войсковая организация продовольственного снабжения будет играть лишь вспомогательную роль, а реквизиция местных средств должна все же рассматриваться как основа всего снабжения армии продовольствием.

Со времен первых походов французской революционной войны реквизиции всегда были основой снабжения французской армии; к ним вынуждены были обратиться и сражавшиеся против нее войска союзников. Теперь трудно ожидать, чтобы от реквизиции когда-нибудь отказались. Никакая другая система не дает таких результатов в отношении энергии, легкости и несвязанности ведения войны. Обычно в течение первых трех-четырех недель действия в любом направлении не встречаются никаких затруднений, а затем на помощь являются магазины; можно с полным правом утверждать, что этим путем война приобретает полнейшую свободу действий. Хотя и могут возникнуть затруднения – большие в одном направлении, меньшие в другом – и это при выборе решения будет, конечно, несколько ложиться на чашу весов, однако нигде не придется встречаться с абсолютной невозможностью, и вопрос снабжения армии продовольствием никогда не будет иметь решающего значения. Лишь один случай явится исключением – это отступление в неприятельской стране. В подобном случае скучиваются многие неблагоприятные для довольствия условия. Движение получает непрерывный характер, обычно без остановок, а потому времени для образования запасов не хватает. Обстоятельства, при которых приступают к такому отходу, уже сами по себе большей частью являются крайне неблагоприятными. Таким образом, отступающим войскам приходится всегда держаться вместе, и не может быть и речи о размещении их по квартирам или о движении отходящих колонн на широком фронте; враждебное отношение страны не позволяет собирать запасы одним лишь требованием реквизиций без участия воинских команд; наконец, момент сам по себе является

особенно подходящим, чтобы вызывать противодействие, злую волю местного населения. Все это приводит к тому, что в таких случаях, как общее правило, приходится ограничиваться прежде устроенными коммуникационными линиями.

Когда Бонапарт в 1812 г. решил начать свое отступление, он безусловно мог его выполнить лишь по той дороге, по которой он пришел, и притом как раз по продовольственным соображениям, ибо на всякой другой дороге его ожидала бы еще более несомненная и скорая гибель; все те осуждения Бонапарта, которые были высказаны по этому поводу даже французскими писателями, лишены всякого смысла.

4. Довольствие из магазинов

Этот способ снабжения отличался бы от предыдущего принципиально разве только в том случае, если бы он получил тот же характер, какой имел в последнюю треть XVII и на всем протяжении XVIII столетия. Но появится ли вновь когда-либо такая организация?

Правда, трудно себе представить, каким другим способом может быть организовано довольствие, если мыслить ведение войны крупными армиями, прикованными к одному месту в течение 7, 10 и 12 лет, как это было в Нидерландах, на Рейне, в Ломбардии, Силезии и Саксонии; какая страна могла бы в течение столь долгого времени служить главным источником содержания войск обеих воюющих сторон без того, чтобы не быть окончательно разоренной и, следовательно, постепенно стать неспособной выполнить эту задачу?

Но здесь естественно возникает вопрос: война ли определяет систему снабжения или же система снабжения определяет войну? На это мы ответим: сначала система снабжения определяет войну, поскольку это не противоречит остальным условиям, от которых война зависит; когда же последние начинают оказывать слишком сильное сопротивление, война начинает в свою очередь влиять на систему снабжения и, следовательно, определяет ее основы.

Война, построенная на основах снабжения реквизициями и довольствия войск местными средствами, имеет такое преимущество перед войной с довольствием лишь из магазинов, что последняя представляется совершенно другим инструментом. Поэтому ни одно государство не решится выступить с этим последним видом войны против первого; если бы и нашелся такой военный министр, у которого хватило бы ограниченности и невежества, чтобы не оценить безусловную обязательность новых методов, и армия выступила бы в начале войны со старой системой, то сила обстоятельств скоро подчинила бы себе полководца и навязала бы ему систему реквизиций. Если при этом иметь в виду, что крупные издержки, вызываемые магазинной системой, непременно отразятся на сокращении размеров вооружений и боевых сил, ибо ни у одного государства лишних денег не бывает, то станет ясно, что магазинной системы держаться невозможно, за исключением разве случая, когда обе воюющие страны захотели бы вступить по этому поводу в дипломатическое соглашение; конечно, этот случай представляет лишь простую игру фантазии.

Итак, по всей вероятности, войны отныне всегда будут начинаться при господстве реквизиционной системы; много ли то или другое правительство захочет сделать, чтобы дополнить ее искусственной организацией довольствия, с целью больше пощадить свою страну и т. д., об этом мы говорить не будем; во всяком случае, слишком много сделано не будет, ибо в такие моменты все устремляется в первую очередь на удовлетворение самых настоятельных потребностей, а к последним искусственная организация довольствия теперь уже не относится.

Однако в тех случаях, когда война по своим результатам не будет настолько решительной и настолько широко захватывающей по своим передвижениям, насколько это должно быть по существу ее природы, система реквизиций начнет до такой степени истощать страну, что придется или заключить мир, или принять меры к облегчению района военных действий и самостоятельному снабжению армии продовольствием. Последнее пришлось сделать францу-

зам при Бонапарте в Испании; но первое будет иметь место гораздо чаще. В большинстве войн истощение государства настолько возрастает, что вместо более дорогостоящего ведения войны склоняются к признанию необходимости заключить мир. Таким образом, новый способ войны и с этой стороны приводит к сокращению длительности войн. Однако мы вовсе не намерены отрицать возможность войн со старой организацией снабжения; под давлением сложившихся у обеих сторон отношений и при других благоприятных обстоятельствах она, быть может, вновь когда-нибудь выявится; но мы уже не признаем такую форму естественной, это будет ненормальное явление, которое обстоятельства могут допустить, но которое никоим образом не будет вытекать из подлинного значения войны. Еще менее мы можем смотреть на эту форму – якобы более гуманную – как на шаг вперед в развитии войны, ибо война отнюдь не человеколюбива.

Но какую бы систему снабжения мы ни избрали, ясно, что в богатой и густонаселенной местности довольствоваться будет легче, чем в местности бедной и малонаселенной. Здесь играет роль и плотность населения; это видно из двоякого отношения, какое она имеет к наличным запасам страны; во-первых, там, где много потребляют, должно быть и много запасов; во-вторых, большей плотности населения, как общее правило, отвечает и большая урожайность. Хотя в этом отношении исключения представляют округа, населенные преимущественно фабричными рабочими, – особенно если эти округа, что бывает нередко, образуются горными долинами с неплодородной почвой в округе, – но в общем всегда гораздо легче обеспечить удовлетворение всех потребностей армии в стране густонаселенной, чем в стране малонаселенной. Нет сомнения, что 400 квадратных миль, на которых живет 400000 человек, как бы плодородна их почва ни была, не так легко прокормят стотысячную армию, как те же 400 квадратных миль, но с населением в 2 миллиона человек. К этому присоединяется и то обстоятельство, что в густонаселенных странах сеть дорог и водных путей гуще и находится в лучшем состоянии, а перевозочные средства обильнее и торговые сношения легче и надежнее. Словом, прокормить армию во Фландрии бесконечно легче, чем в Польше.

Вот почему война своими многочисленными ртами всегда охотнее присасывается к большим трактам, населенным городам, плодородным долинам больших рек и к часто посещаемым кораблями берегам морей.

Отсюда становится ясным общее воздействие, оказываемое довольствием войск на направление и форму операций, на выбор театра войны и на коммуникационные линии.

Предел, до которого распространяется это влияние, и значение, получаемое при общем подсчете трудности или легкости довольствия, конечно, зависят от того способа, каким война будет вестись. Если она ведется в присущем ей духе, т. е. со всей необузданной силой своей стихии, со свойственным ей тяготением к бою и решительным действиям, то довольствие армии окажется важным, но второстепенным делом; если же имеет место эквилибристика, и армии в течение многих лет двигаются взад и вперед по территории одной и той же области, то продовольствие войск часто делается самым важным делом, интендант становится главнокомандующим, а ведение войны обращается в управление транспортом.

Можно указать множество походов, во время которых ничего не происходило, цели не достигались, силы напрасно тратились, и все это находило оправдание в недостатке продовольствия; а Бонапарт часто говорил: «*Qu'on ne me parle pas de vivres!*»⁵⁶.

Правда, этот полководец наглядно показал в своем русском походе, как, не считаясь с этим вопросом, можно дойти до крайности; ведь если и нельзя сказать, что весь его поход потерпел крушение лишь из-за продовольствия, что в конечном счете можно только подозревать, то все же несомненно, что именно недостатком внимания Бонапарта к делу довольствия

⁵⁶ «Я не хочу слышать о продовольствии!» – *Ред.*

своей армии объясняется неслыханное таяние ее во время наступления и полная гибель во время отступления.

Не отрицая в Бонапарте природы страстного игрока, который часто отваживается на безрассудные крайности, все же мы можем сказать, что он и предшествовавшие ему революционные генералы в отношении довольствия войск покончили с очень властным предрассудком и показали, что на довольствие надлежит смотреть лишь как на одно из условий войны, а отнюдь не как на ее цель.

Впрочем, с лишениями на войне дело обстоит так же, как с физическим напряжением сил и с опасностями; требования, которые полководец сможет предъявить к своей армии, не ограничены определенной чертой; человек с сильным характером потребует большего, чем человек мягкий и чувствительный; да и размеры того, что армия может дать, весьма различны в зависимости от того, поддерживают ли волю и силу солдат привычка, воинский дух, доверие и любовь к полководцу или воодушевленная преданность отечеству. Но мы можем установить как правило, что лишения и нужда, каких бы высоких пределов они ни достигали, должны всегда рассматриваться как временное состояние и непременно сменяться обильным довольствием, а порою даже избытком. Может ли быть что-либо трогательнее представления о многих тысячах солдат, которые плохо одеты, обременены ношей в 30–40 фунтов, с трудом тащатся целыми днями во всякую погоду по любым дорогам, постоянно рискуют жизнью и здоровьем и не могут даже насытиться черствым хлебом? Когда знаешь, как часто это случается на войне, то с трудом можешь понять, как такое положение не приводит к более частому отказу сил и воли и как одно лишь устремление представлений человека своим постоянным воздействием может вызвать и поддерживать такое напряжение.

Таким образом, кто возлагает на солдат большие лишения во имя великих целей, тот должен иметь в виду, по человеколюбию ли или из разумного расчета и вознаграждение, которым он впоследствии за них должен расплатиться.

Теперь нам надо еще коснуться того различия, какое существует в снабжении продовольствием при наступлении и при обороне.

Оборона может непрерывно пользоваться всем тем, что она заготовила для довольствия войск. Таким образом, по существу у обороняющегося не должно быть недостатка в необходимом, особенно при действиях в собственной стране; но это положение сохраняет свою силу также и при обороне в неприятельской стране. Напротив, наступающая сторона удаляется от своих источников снабжения и должна поэтому в течение всего времени продвижения вперед и в первые недели после остановки добывать себе все необходимое со дня на день, причем дело редко обходится без недостачи и затруднений.

В двух случаях эти затруднения достигают высшей точки. Во-первых, при наступлении – перед тем, как наступит решение; тогда запасы противника находятся еще полностью в его руках, а наступающий вынужден оставить свои запасы позади; он должен держать свои войска сосредоточенными и поэтому не может использовать больших пространств, даже его транспорты не могут следовать за ним, раз только начались боевые передвижения. Если к этому моменту соответственно не подготовились, то легко может случиться, что войска за несколько дней до решительного сражения начнут испытывать лишения и нужду, что, конечно, не является подходящим средством для успешного введения их в бой.

Во-вторых, недостаток продовольствия возникает преимущественно к концу шествия победы, когда коммуникационные линии становятся чересчур растянутыми, особенно если война протекала в бедной, малонаселенной, может быть и враждебно настроенной местности. Какая огромная разница между сообщениями от Вильно до Москвы, где каждую подводу приходилось добывать силой, и сообщениями от Кельна – через Льеж, Лувен, Брюссель, Монс, Валансьен, Камбре – до Парижа, где достаточно коммерческого договора или векселя для того, чтобы достать миллионы рационов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.